ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 122 (3151) Четверг, 15 октября 1953 г. Цена 40 коп.

Долг ученых

Советские люди осуществляют имеющие огромное значение мероприятия по подъему сельского хозяйства, выработанные Центральным Комитетом Коммунистической партии. С новым подъемом трудятся колхозники, работники МТС и совхозов. Из городов едут на работу в село агрономы, инженеры, механики, зоотехники. Рабочие и инженеры заводов и фабрик призваны помочь сельскому хозяйству справиться с новыми задачами. Большая роль в выполнении этих задач отведена сельскохозяйственной науке.

Что сделать, чтобы в разнообразных почвенно-климатических условиях получать всегда высокие урожаи сельскохозяйственных культур?

Как повысить повсюду продуктивность животноводства? Какие породы животных надо разводить? Как улучшить имеющийся у колхозов скот?

Как осуществить комплексную механизацию в полеводстве и трудоемких работ в животноводстве?

Эти и многие другие вопросы ставят сейчас практики сельского хозяйства перед учеными и ждут ответов не только четких, но и быстрых. Ведь для достижения резкого перелома в сельском хозяйстве отведено лишь два-три года.

Все это требует от ученых вдохновенной и творческой научной мысли, той всепоглощающей страсти, которая владела великим преобразователем природы Иваном Владимировичем Мичуриным.

Мичуринские традиции в науке состоят прежде всего в том, что глубокие теоретические вопросы разрабатываются путем решения практических задач, жизненно важных для народа и государства.

Наша сельскохозяйственная наука, несмотря на серьезные достижения, еще значительно отстает от запросов колхозного и совхозного производства. Многие научно-исследовательские учреждения работают в отрыве от практики, не обогащают науку и практику новыми открытиями и предложениями, мало помогают колхозам, МТС и совхозам в подъеме культуры земледелия и животноводства.

Между тем нигде, ни в одной стране не уделяется сельскохозяйственной науке такое внимание со стороны государства, как в нашей, Советской стране.

В СССР действует более тысячи научно-исследовательских институтов сельского хозяйства, селекционных и опытных станций. Помимо этого, работают полторы тысячи сортоиспытательных участков. В каждом районе имеется контрольно-семенная лаборатория. Общее число работников сельскохозяйственной науки превышает десять тысяч человек.

Если весь этот многотысячный отряд ученых обратится к сельскохозяйственной практике и наряду с проведением новых исследований будет всеми силами содействовать проверке и внедрению в жизнь уже сделанных научных открытий,— результаты могут быть огромны. Все передовое, все новое, что имеет наука в своем арсенале, должно стать достоянием каждого колхоза и совхоза, каждой МТС.

Возможно ли это?

Можно назвать ряд научно-исследовательских учреждений, которые на деле доказали, что это достижимо. Ведя большую научную, экспериментальную и теоретическую работу, они в то же время помогают колхозам и совхозам добиваться высоких и устойчивых урожаев.

Неплохой опыт имеет Украинский научно-исследовательский институт зернового хозяйства. Этот институт изучил и разработал агротехнические приемы, обеспечивающие повышение зимостойкости и урожайности озимой пшеницы. Им предложена новая система агротехники кукурузы при квадратно-гнездовом способе посева. Институт создал ценные гибриды кукурузы, которые превосходят по урожайности распространенные сорта на 15—20 процентов.

Работники института не отгораживаются от колхозов, они работают рука об руку с практиками, передовиками, стараются как можно быстрее внедрить в сельскохозяйственное производство все новое, передовое. Благодаря содружеству с учеными колхозники артели имени Чкалова Ново-Московского района, Днепропетровской области, из года в год собирают высокие урожаи зерновых. Средний урожай кукурузы достиг сейчас 50 центнеров с гектара, а передовые звенья получают еще больше — 100 центнеров с гектара!

Реальную помощь колхозам оказывает Институт земледелия центрально-черноземной полосы им. В. В. Докучаева. Нет такого дня, чтобы на полях института не побывали колхозники, председатели артелей, агрономы. Сюда едут люди из многих районов страны. В институте есть чему поучиться. Здесь осуществлена травопольная система земледелия, выращены лесные полосы, созданы пруды и водоемы.

Большую и плодотворную практическую работу проводит Всесоюзный селекционно-генетический институт им. Т. Д. Лысенко. В колхозах, расположенных даже вдали от этого института, преобладают выведенные им сорта. Недавно одесская газета «Знамя коммунизма» сообщила, что работники этого института проводят семинар для главных агрономов и главных инженеров МТС, а также для партийных и советских работников села по изучению квадратно-гнездового способа посадки картофеля и посева кукурузы, подсолнечника и других культур.

У нас в стране сделано немало открытий в области сельскохозяйственной науки, но внедряются они пока еще плохо. Объясняется это, помимо других причин, нерешительностью, а иногда и безразличием, с которыми многие научные работники относятся к применению своих предложений на практике.

Часто работники институтов и станций думают, будто внедрение новых достижений — не их дело и что работа на производстве будет отрывать их от научной деятельности.

Во многих случаях научные работы считаются законченными, если опубликованы статьи в специальных журналах.

Правильно ли это? Не вернее ли будет считать, что окончательную оценку работе дает не журнал и даже не то или иное научное учреждение, а жизнь, т. е. сотни тысяч земледельцев, которые эту работу применяют на своих полях, на миллионах гектаров! Жизнь неминуемо корректирует, исправляет научные выводы, требует их доработки. Нередко рекомендации, которые в лабораториях кажутся бесспорными, на полях оказываются несовершенными.

Одной из причин отставания сельскохозяйственной науки является то, что в сельскохозяйственных научных учреждениях, в том числе и во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, слабо развита критика и самокритика среди научных работников, не организуется творческое обсуждение научных и практических вопросов на основе свободного обмена мнений, нарушаются принципы коллективности в работе. В институтах нередко культивируется атмосфера подхалимства и угодничества вокруг отдельных ученых. Такая атмосфера вредна для науки.

Нельзя признать нормальным, что распределение научных сил по стране крайне неравномерно. Вокруг небольшого числа наиболее крупных городов теснятся многие десятки институтов и опытных станций, в то время как на огромных пространствах земледельческих районов можно не встретить ни одного научного учреждения. Например, на Украине насчитывается более 150 научных учреждений, занимающихся сельским хозяйством, но они расположены так, что в семи областях из 25 нет ни одного.

Если научно-исследовательские институты и станции будут расположены равномерно по сельскохозяйственным районам страны и будут способны решать любые научные вопросы применительно к местным условиям, то дело широкого внедрения науки в производство окажется на прочной основе.

Ученых ждет громадная исследовательская, экспериментальная работа, которая потребует от них всех сил, неустанного труда. Предстоит разработка многих новых, интересных и важных проблем, решение которых имеет большое значение для того, чтобы добиться в кратчайший срок обилия продовольствия для населения и сырья для промышленности.

Повышение плодородия почвы, поднятие урожайности овощей и картофеля, создание новых машин, механизация трудоемких работ, подъем продуктивности животноводства и многие другие задачи сельского хозяйства не могут быть решены без участия науки. Многие злободневные вопросы требуют немедленного ответа. Очень важно, например, в кратчайший срок усовершенствовать комбайны, которые могли бы убирать обильные урожаи зерновых в 25—30 и более центнеров с гектара. Селекционеры призваны вывести такие сорта зерновых хлебов, которые не полегали бы при урожае в 40—50 и выше центнеров с гектара.

Сильно отстают работы по экономике и организации сельского хозяйства. Еще февральский Пленум ЦК ВКП(б) в 1947 году обязал ученых заняться разработкой этих вопросов. Но прошло шесть лет, и за это время наука не разработала ни одного крупного вопроса в этой области. Не разрешены важные темы о рациональном сочетании в колхозах различных отраслей хозяйства, о повышении доходности колхозов. Экономисты не обобщают опыта колхозников-передовиков, не вооружают руководителей колхозов научными методами планирования. Нередко бывает так, что агрономические рекомендации и предложения ученых не могут быть применены вследствие их экономической невыгодности.

Решение всех вопросов, поставленных партией и правительством перед сельскохозяйственной наукой,— дело чести ученых.

Смелый эксперимент, глубокая и верная теория, неразрывная связь с практикой — вот чем сильна советская сельскохозяйственная наука. В этом — залог ее большого плодотворного влияния на дело дальнейшего развития сельского хозяйства.

Вечер в Центральном доме литераторов

В Польше начался месячник укрепления польско-советской дружбы. Проводятся тысячи лекций и докладов, посвященных Советскому Союзу, его культуре, демонстрируются советские фильмы, устраиваются выставки книг и картин русских и советских художников, в театрах идут пьесы советских драматургов.

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный польской литературе. Московские литераторы принимали у себя гостей — писателей М. Домбровскую, А. Ковальскую, Ю. Стрыйковского, В. Ворошильского, а также деятелей польских театров Я. Ротбаума, К. Скушанка, К. Деймека, Е. Раковецкого.

— Мы собрались сегодня,—сказала А. Караваева, открывая вечер, — чтобы попросить польских друзей передать наше искреннее уважение строителям новой Польши. Пусть этот вечер явится еще одним вкладом в дело укрепления дружбы между нашими народами.

Ю. Стрыйковский кратко охарактеризовал состояние польской литературы. Он заявил, что польская литература стремится служить делу строительства новой жизни, воспитанию нового человека, укреплению мира между народами.

А. Ковальская и М. Домбровская поделились с собравшимися своими впечатлениями о поездке по Советскому Союзу.

— Наше пребывание в Советском Союзе подходит к концу. Мы возвращаемся на родину, к своей работе. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что приобретенный здесь опыт явится важным этапом в моей жизни и найдет отражение в дальнейшем творчестве, — сказала А. Ковальская.

В вечере приняла участие большая группа советских поэтов и переводчиков. В заключение состоялся концерт с участием артистов московских театров.

На вечере присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Польской Народной Республики в СССР В. Левиковский.

Земля ждет агронома...

Иван ЕГОРОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Тракторы пашут землю, плотную, как асфальт, просохшую до самой подпочвы. Новые лемехи плугов стираются и выходят из строя очень быстро. Из колхозных кузниц, из мастерских центральной усадьбы и со складов непрерывно подвозят новые и реставрированные лемехи.

Так пашут зябь на полях Дубовской, Горно-Водяновской, Горно-Пролейской МТС Сталинградской области. Последний дождь прошел здесь весной. Сегодня на дворе октябрь. За пять месяцев набегало лишь несколько тучек; они покропили поля столь скупо, что в метеосводках были отмечены, как слабая облачность без осадков.

Трудно в этих местах вести земледелие. А люди привыкли, втянулись, работают, засевают огромные площади пшеницы, ржи, ячменя, проса, горчицы, арбузов, дынь. Казалось бы, устойчивая засуха должна выравнять урожаи на разных площадях под одну гребенку. Нет! Урожаи в различных МТС и колхозах неодинаковые. Стало быть, и в неблагоприятных условиях есть пути к закреплению и к повышению урожаев. Это нелегкие пути, требующие неустанной работы агрономической мысли.

Разумеется, есть готовые, давно сложившиеся рекомендации по каждой сельскохозяйственной культуре: по срокам сева, по способам обработки земли, по подбору сортов и т. д. Но плох тот механизатор, тот агроном, который будет полагаться на готовенькие рецепты...

По весне в колхоз имени Сталина, Дубовской МТС, приехал из Сталинграда уполномоченный — агроном «Облсортсемовощ» тов. Карпов. Он увидел картину, которая его расстроила и возмутила. Тракторы восьмой бригады МТС, прицепив плуги без отвалов, перепахивали на большой площади зябь и сеяли арбузы...

— Прекратите, товарищи, — посоветовал Карпов. — Пройдите зябь дисковыми культиваторами, — больше ничего не требуется. Нельзя терзать почву повторной пахотой, помогать ее иссушению,—это же гиблое дело!..

Агроном Карпов оставил в бригаде суровое письменное заключение: «Более чудовищного нарушения агротехники я нигде не видел...»

Механизаторы и колхозники смутились. Как быть? Ведь за грубые, за «чудовищные» нарушения агротехники по головке не гладят...

Следом подъехал главный агроном Дубовской МТС тов. Климов; он прочел карповское заключение и распорядился:

— Продолжайте, товарищи, работать по моим указаниям! За эти поля я отвечаю. Советов тов. Карпова не принимать во внимание...

— Ну, а в случае чего... Оно же — областное начальство... Пахота, расход горючего... Закатят начет, а то еще и к следователю потащат — за «чудовищное»... Рисковый ты человек. Евгений Осипович!..

— Успокойтесь, товарищи! Ни вы, ни я ничем не рискуем. Мы действуем наверняка...

Не станем описывать беседу агронома с колхозниками и трактористами. Забегая вперед, скажем: на площади в 84 гектара бахчей, посеянных и обработанных по указаниям агронома Климова, получен очень большой урожай, — он в двенадцать раз превышает урожай, полученный на бахчах, которые обрабатывались по типовым правилам агротехники, по тем правилам, на которых так настаивал агроном Карпов из «Облсортсемовощ».

Климов нарушил эти агроправила. Нарушил их и главный агроном соседней Горно-Водяновской МТС Иван Васильевич Гайдадин — вверенные ему колхозы в результате «нарушения» получили двенадцатикратную прибавку урожая по бахчевым, а это дало колхозам сотни тысяч рублей дополнительного дохода.

Агрономы Климов и Гайдадин оказались сильнее агронома Карпова потому, что они работают на земле, имеют дело с землей. Карпов же вынужден иметь дело преимущественно с бумагами, с «правилами», и он не успел заметить, что эти «правила» устарели, что их необходимо исправлять по Климову и по Гайдадину, накопившим большой практический опыт.

Двадцать восемь лет работает агрономом Евгений Осипович Климов. После тяжелых ранений на фронте был у него небольшой период «тихой» работы в районной конторе госинспекции по качеству сельскохозяйственных продуктов.

— Скучно агроному видеть зерно, фрукты и овощи в качестве готовых продуктов и не бороться за плодоношение растений! — говорит он.

Годы «тихой» работы агроном-коммунист считает потерянными.

— Ведь тут, в степи, если мне удалось прибавить к урожаю хотя бы один пуд зерна на гектар, так и это уже составляет десятки тысяч пудов зерна, которые именно я выжал из земли... Мы нащупали застарелые ошибки в возделывании горчицы и вносим свои поправки, которые в самый наихудший год обеспечивают прибавку урожая в три-четыре пуда на гектар.

— В нашей зоне за время войны и за первые послевоенные годы разучились выращивать люцерну. Она дает укосы и совершенно не дает семян. Так получилось чуть ли не по всему правобережью Волги, в пределах нашей области. А когда-то были здесь местные семена. И они будут! Мы добьемся... Не можем мы тратить огромные деньги из колхозных касс на завозные семена. Не хотим и завозных сорняков (у нас своих, к сожалению, больше, чем это допустимо). Наконец, об основных культурах. В колхозе «Буревестник» получено озимой пшеницы 8,9 центнера с гектара, в «Маяке» седьмая тракторная бригада получила 6 центнеров, а вторая умудрилась взять... 2 центнера. И это — при «одинаковой» обработке!

— «Одинаковость» колет нам глаза. Почвы неодинаковы, и всякий шаблон в обработке их наказывает нас недобором зерна. Есть над чем подумать агроному, есть сотни рычагов, за которые он может ухватиться, применить свои творческие силы...

Я убежден, что всякий истинный агроном, глотнувший степного ветра, никогда не захочет искать пристанища в тиши городского кабинета. И те, что немножко засиделись, придя к нам, несомненно, полюбят степь: живое дело увлечет живого человека.

* * *

По пыльной дороге из села Пичуги едет в степь председатель колхоза имени Чапаева Павел Иванович Пригарин. По той же дороге, в том же направлении идет пешком участковый агроном Дьяконов, обслуживающий колхоз имени Чапаева. Пароконная председательская бричка объезжает пешехода с подветренной стороны, чтобы не очень пылить в глаза агроному. Дальше этого любезность Пригарина не простирается. Он не пригласил Дьяконова сесть рядом с собой в бричку...

Не так давно Пригарин был ветфельдшером и хаживал пешком от фермы к ферме и ругал начальство за плохое отношение к специалисту. Ставши председателем крупного колхоза, ветфельдшер сел в бричку, оставив в подчеркнуто пешем состоянии агронома Дьяконова. Пригарин, очевидно, считает, что такое отношение к специалисту — это и есть самое обычное отношение.

В хуторе Тишанке вечером собрались трактористы, бригадиры тракторных и полеводческих бригад, колхозники и руководящий состав колхоза «Буревестник». Сюда же приехали секретарь Дубовского райкома партии тов. Ладяев, главный агроном МТС тов. Климов. Говорили о том, чем сегодня живет, чем полна колхозная деревня: о постановлении сентябрьского Пленума Центрального Комитета партии. На этом собеседовании шел конкретный разговор о новом положении механизаторов...

— Вот рядовой тракторист Гаврилов. Он выработал в августе 160 трудодней. За это ему начисляется 1 120 рублей деньгами и 480 килограммов зерна; если считать зерно по рублю за килограмм, — выходит, что Гаврилов за месяц, выполнив только норму, заработал 1 600 рублей. Его июльский заработок превышает 2 000 рублей.

Трактористы и сами давно все это высчитали, они живут в состоянии радостной взволнованности.

— Замечательная пора наступает. И работа будет замечательная! Даем обязательство работать во всю нашу силу.

А чуть в сторонке перешептывались молодые трактористы:

— Сказать или не сказать?

— Не надо портить хорошего собрания. С Пригариным потом разберемся...

Оказалось, что Пригарин, узнав, что «трактористы разбогатели», сделал из этого свои выводы. Пригарин торгует арбузами по 30 копеек за килограмм для любого покупателя, будь то колхозник или приезжий человек. По этой цене он отпустил арбузы и трактористам, а позже распорядился: с трактористов взыскать по полтора рубля за килограмм, — они нынче богатые...

Пригаринский дух в отношении к специалистам сельского хозяйства и механизаторам кое-где еще чувствуется. Пример: все четыре участковых агронома Дубовской МТС — Демидова, Байбарова, Безверхий и Дьяконов — пешеходы. Да и главный агроном Климов затрачивает целые часы на дискуссии с директором МТС М. Гребенниковым и инженером-механиком Г. Буйновым о праве выезда в степь по своему желанию, а не в качестве попутчика...

А сколько времени главный агроном затрачивает на дискуссии с агрономами областного управления сельского хозяйства и заготовок! Там пятьдесят агрономов. Добрая половина из них знает, что в Дубовской МТС «потеряно 600 гектаров пахотноспособной земли». Молодой землеустроитель из области два года тому назад при составлении плана землеустройства колхозов Дубовской МТС вписал в документы несуществующие участки земли площадью в 600 гектаров. С тех пор в областном аппарате привыкли к этим «участкам», — вписывают их в план подъема паров, в план сева, а когда оказывается, что горючее на них не расходуется, пишут: «Вспахано тяглом»...

— Знаем, что этих участков нет. Но... план землеустройства утвержден, ничего нельзя поделать...

Серьезному старому агроному предлагается «как-нибудь проводить эти участки, лишь бы было по форме».

Такова сковывающая сила бумаги.

Агроном Климов с несокрушимым оптимизмом утверждает:

— И это преодолеем, теперь преодолеем! Ведь там, в кабинетах, неплохие люди. И как только они выйдут в поле, — сначала нехотя, с ворчанием, с ссылками на семейные обстоятельства, потом заинтересуются, войдут во вкус, — и силы наши удвоятся...

С нетерпением ждет подкреплений директор Горно-Водяновской МТС И. Зайцев. У него крепко прихворнул главный агроном Гайдадин.

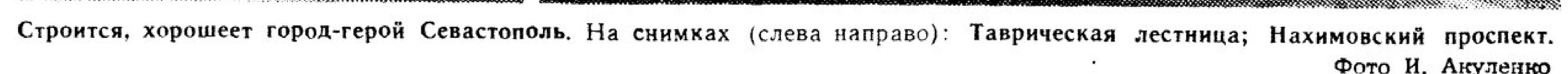
— Плохо мне нынче, — жалуется Зайцев. — Ведь агроном — это мои очи. Хоть я и проработал на этом месте двадцать лет и уже маленько разбираюсь в земледелии, да ведь на моих плечах — техника, организация. Не успеваю иной раз охватить картину жизни растения, понять, чего оно от меня хочет сегодня. А у агронома душа безотлучно при растении, он видит, слышит, чует растение, обобщает его требования и решительно предъявляет их нам, механизаторам. За это мы и ценим и любим нашего агронома... Видим мы и работу специалистов районного управления сельского хозяйства и заготовок... Неважная у них жизнь. Сидят, как в колодце, и ясного неба над собой видят не больше, чем из колодца. Оттого они и пишут нам так много бумажек — от скучной жизни пишут! А нам люди нужны. И встретим мы их ласково, заботливо. Обживутся — увидят, что жизнь у нас куда полнее, куда интереснее, чем у них. Ведь именно на полях решаются вопросы изобилия. И первое слово принадлежит, конечно, агроному...

И в этом ласковом говоре слышится хитринка старого степняка. Хочется ему залучить в степь как можно больше хороших, энергичных людей. В «колодце» пока не откликаются. Велика еще сила привычки, тяготение к письменному столу, к бумаге, к насиженному местечку... Но старый механизатор уверен:

— Откликнутся. Сами поймут, что не время отсиживаться. А нет, так подскажут. Потом их отсюда и калачом не выманишь... Тут, кстати, и Сталинградское море скоро забушует под боком, ветерок будет прохладнее, деревца потенистее — еще веселей заработаем!..

Дубовский район,
Сталинградской области

Строится, хорошеет город-герой Севастополь. На снимках (слева направо): Таврическая лестница; Нахимовский проспект. Фото И. Акуленко

Международные отклики

ПРОБЛЕМА ТРИЕСТА

Как уже сообщалось, 8 октября правительства США и Великобритании заявили о своем решении передать правительству Италии управление зоной «А» Свободной Территории Триест. Это сепаратное решение означает раздел триестинской территории, целостность которой предусмотрена в Мирном договоре с Италией, подписанном в 1947 году.

Совершенно очевидно, что в результате англо-американского решения о разделе Свободной Территории Триест угроза миру и безопасности в этом районе возросла. Даже буржуазная печать вынуждена признать, что этот сепаратный акт способен лишь вызвать новые осложнения. Английская газета «Обсервер» отмечает: «Характер этой акции распалит как раз те страсти, которые, как предполагалось, она должна успокоить... Мы, видимо, ввязались в рискованную игру, в которой нетерпение взяло верх над государственной мудростью».

Чем руководствовались правительства США и Англии, срывая выполнение условий Мирного договора с Италией? Не связано ли, между прочим, решение Англии и США о разделе Триеста прежде всего с их желанием укрепить позиции итальянского правительства накануне обсуждения в парламенте договора о «европейском оборонительном сообществе»? Не кто иной, как премьер-министр Италии Пелла весьма прозрачно намекнул, что ратификация этого договора зависит от выполнения США и Англией посулов в отношении Триеста. Швейцарская газета «Нейе Цюрхер цейтунг» подчеркивает, что на решение Великобритании и США «повлияли, вероятно, трудности, которые испытывает премьер-министр Италии Пелла».

Первые зарубежные отклики на советскую ноту по вопросу о Свободной Территории Триест свидетельствуют о том, что мировое общественное мнение высоко оценивает принципиальную и последовательную политику, проводимую Советским Союзом. Даже французская буржуазная газета «Монд» вынуждена была признать, что советская нота разоблачает нарушение Мирного договора с Италией и использует юридические аргументы, которые трудно оспаривать. 12 октября Советский Союз предпринял новый шаг для мирного урегулирования триестинской проблемы. Постоянный представитель СССР в Совете Безопасности А. Я. Вышинский предложил созвать заседание Совета Безопасности для обсуждения вопроса о назначении губернатора Свободной Территории Триест. Одновременно представитель СССР направил председателю Совета Безопасности Вильяму Борбергу советский проект резолюции Совета Безопасности, в котором предлагается назначить губернатором Свободной Территории Триест полковника Флюккигера; немедленно ввести в действие положение о временном режиме Свободной Территории Триест; создать в соответствии с условиями мирного договора Временный Правительственный Совет Свободной Территории Триест; ввести в действие постоянный статут Свободной Территории Триест в трехмесячный срок с момента назначения губернатора.

К СОБЫТИЯМ В БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ

Положение в Британской Гвиане — небольшой английской колонии в Южной Америке — продолжает привлекать внимание иностранной печати. Основные события, развернувшиеся там с начала октября, известны читателю.

Рис. Бор. Ефимова

В последнее время иностранная пресса настойчиво подчеркивает, что Соединенные Штаты Америки активно поддерживают действия английского правительства, пославшего войска и военные корабли в эту колонию. Чем обусловлен интерес США к Британской Гвиане?

Британская Гвиана занимает важное стратегическое положение на побережье Атлантического океана. Колония граничит с латино-американской республикой Венесуэлой, которая является крупнейшим поставщиком нефти и железа для Соединенных Штатов. Недалеко от Британской Гвианы, в английской колонии Тринидад, находится американская военно-морская база. В самой Британской Гвиане во время войны были размещены американские войска и до сих пор сохранился аэродром военно-воздушных сил США. «Те, кто изучал прошлую войну, помнят проблему «самого узкого места» Атлантики—сравнительно узкой части океана между западным выступом Африки и восточным выступом Южной Америки,— подчеркивает английская «Санди таймс».— Британская Гвиана расположена немного севернее этого места, но не так далеко, чтобы самолеты и подводные лодки, которые могли бы базироваться на ней, не смогли оказать сильного влияния. Соединенные Штаты имеют важную воздушную базу в этой колонии. Все это хорошо, но положение тех, кто занимает эту базу и пользуется ею, может стать весьма затруднительным, если среди населения будет усиленно вестись агитация за ликвидацию этой базы».

США, как и Англия, обладают крупными капиталовложениями в этой колонии. Для Англии это — основной поставщик сахара. Американские тресты вместе с английскими и канадскими контролируют добычу золота, алмазов и бокситов.

Совершенно ясно, что англо-американских империалистов отнюдь не устраивает приход к власти в Британской Гвиане народно-прогрессивной партии, возглавляющей движение за национальное освобождение страны. Недаром американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» называла «драматическим исходом» выборов создание весной нынешнего года демократического правительства в Британской Гвиане. И характерно также, что одной из первых мер английского генерал-губернатора, получившего после отстранения от власти демократического правительства всю полноту власти, было заявление, что действие новой конституции, несколько расширявшей права народа, будет приостановлено.

Английская печать прямо пишет, что США сыграли немалую роль в событиях в Британской Гвиане. Корреспондент «Дейли мейл» Бродбент подчеркивает, что беспокойство правительства США оказалось решающим «в посылке английских войск в Британскую Гвиану».

Таковы некоторые факты, проливающие свет на события в Британской Гвиане.

ЛИТЕРАТОР

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

Без промежуточных инстанций

Советская торговля стремится, с одной стороны, сократить путь товара, идущего от фабрики к потребителю, а с другой стороны, — добиться от промышленности значительного изменения качества, ассортимента и увеличения выпуска товаров народного потребления.

Раньше, как известно, товар проходил через множество промежуточных инстанций, прежде чем попадал на полку магазина. Ныне этот порядок изменен. Торговые организации стали заключать договоры непосредственно с промышленными предприятиями, давая заказы на товары, одобренные покупателем.

Примерно 1 100 специализированных магазинов (текстиля, обуви, готового платья, мебели, металлоизделий, химических товаров и др.) получили право заказывать и получать часть товаров прямо с фабрик, заводов и артелей промысловой кооперации. Остальная торговая сеть заказывает и получает товары через оптовые главки и их базы, входящие в систему Министерства торговли СССР.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился к начальнику недавно созданного Главного управления оптовой торговли В. Смирнову с просьбой рассказать, какие выгоды получит покупатель от осуществления новой системы взаимоотношений, установившихся между торговыми и промышленными предприятиями.

— Напомню, раньше всего, — ответил В. Смирнов, — что на пути товара в магазин, т. е. к потребителю, стояли прежде так называемые оптовые базы промышленных министерств. Любое предприятие, будь это текстильная, обувная или кондитерская фабрика, посудный или сыроваренный завод, сдавали свою продукцию на соответствующие базы своих министерств. Они пересылали товары на наши базы, те, в свою очередь, — в торговую сеть. Базы промышленных министерств, а их насчитывалось великое множество, были мало заинтересованы в борьбе за качество товаров, в расширении их ассортимента и т. д. В результате предприятие могло самовольно, вдруг, на какой-то срок прекратить производство детской обуви, начать выпускать конфеты без оберток или плохо окрашенные кровати и т. д. Главное, что требовалось, — это выполнить план в количественных показателях.

Теперь промышленное предприятие стоит лицом к лицу с торговой сетью, с потребителем. А торговая сеть перестала принимать неходовые товары, требует производства товаров по специальным заказам. Предприятия, которые сегодня будут продолжать выпускать неходовой товар, могут просто оказаться на мели.

Представители нового Главного управления принимают участие в утверждении количества, качества и ассортимента выпускаемых промышленностью товаров народного потребления, продуктов питания. Поставки товаров магазинам осуществляются в строгом соответствии с поступающими от них заказами. Главное управление должно обеспечить завоз товаров на места, создать там необходимые товарные резервы для бесперебойной торговли и т. д.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДУТАЯ ВЕЛИЧИНА»

Так было озаглавлено письмо читателя, опубликованное в подборке «Рецензии на вещи» 25 августа. Правление артели «XXX лет Октября» сообщило редакции, что заметка правильно критикует продукцию артели. В связи с этим решено пересмотреть технологию изготовления детских мячей. Начальнику ОТК тов. Керову предложено усилить контроль за их качеством. И. о. начальника цеха мячей тов. Авинезеру и мастеру тов. Гринбергу объявлен выговор.

ОБЗОР ПИСЕМ

ВСЕ ЕЩЕ „ВНЕ ИГРЫ“

Большинство откликов на фельетон «Вне игры» («Литературная газета» от 23 мая 1953 года) принадлежит людям средних лет. Как известно, в фельетоне шла речь о мытарствах одного немолодого москвича, который в сорок два года решил вернуться к спорту. Но бывший «чемпион седьмого «Б» так и не смог добиться помощи от физкультурных организаций...

Многие из авторов писем раньше успешно занимались спортом. Но лишь некоторые из этих бывших физкультурников до сих пор не бросили спорта и продолжают заниматься им самодеятельно — по собственным методам и программам. Большинство же в сорок — пятьдесят лет оказалось из-за отсутствия систематической спортивной тренировки перед лицом преждевременной старости: ожирения, одышки, старческих недугов. Это те, кто, по словам читательницы **Н. Орел** (Тбилиси), стали «зрителями на стадионах»...

Пожалуй, содержание всех откликов можно определить коротко — как организовать занятия спортом для немолодых.

Каждое утро миллионы людей, выслушав по радио приветливое «Доброе утро, товарищи!», начинают по команде преподавателя делать гимнастические упражнения. А всем ли им полезны эти упражнения? Может быть, кому-то они вредны, а кому-то нужен более сложный комплекс?

Вопрос о количестве и качестве упражнений требует разумного совета врача-физкультурника. Между тем получить его не так-то просто. «Даже в таком городе, как Ленинград, — пишет читательница **Э. Михайлова**, — негде проконсультироваться со специалистом. С большим трудом я узнала, что такой физкультурный центр есть. Но когда позвонила туда, меня начали допрашивать, есть ли у меня путевка, разрядница ли я»...

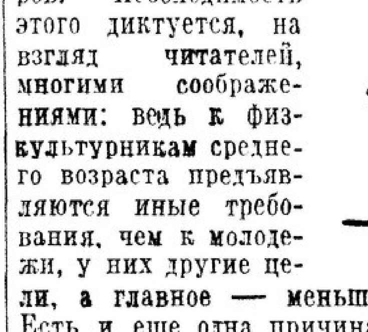
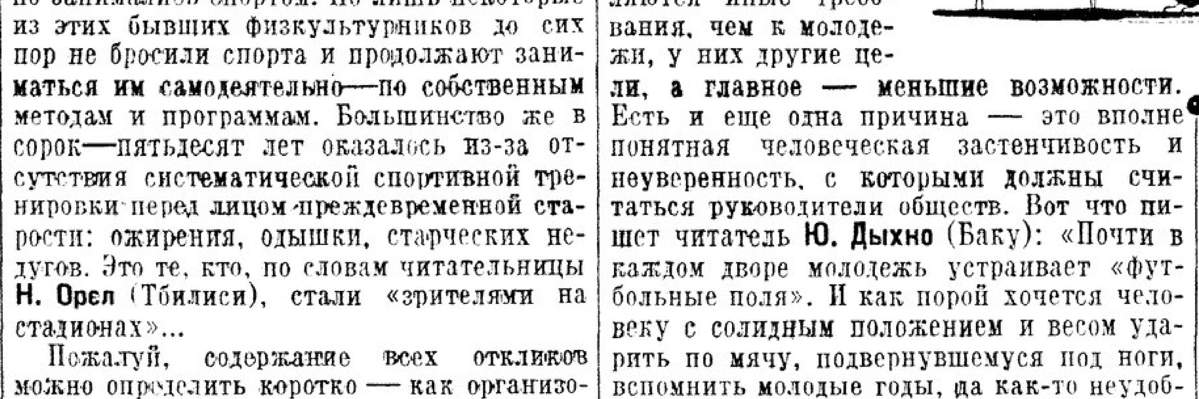
О том, что такие консультации необходимы не только для занятий гимнастикой, но и для любого вида спорта, пишут кандидат медицинских наук **Д. Постовская** (Москва), врач **Е. Высоцкая** (Минск). Часто врачи, не зная влияния занятий физкультурой на больного человека и боясь, «как бы чего не вышло», вообще запрещают своим пациентам заниматься каким бы то ни было спортом. Против такой излишней, рожденной трусостью и незнанием дела врачебной опеки выступает конструктор **А. Куликов** (Москва).

Зарядка — лишь часть спортивной жизни, к которой хотят приобщиться люди среднего возраста. Из пяти тысяч членов московского добровольного общества «Рыболов-спортсмен» три четверти — люди пожилого возраста, сообщает врач **Е. Виленкин** (Москва). «Мне приходилось видеть многих рыболовов, — пишет он, — которые раньше страдали ожирением, часто болели ангинами и гриппами. Но вот они начали всерьез увлекаться *рыбной ловлей* — еженедельно приезжать на рыболовную станцию, грести несколько часов подряд, — и не слышно теперь от этих людей охов и стонов, они бодры, жизнерадостны».

В 1951 году, рассказывает **В. Луппов** (гор. Киров), в РСФСР состоялись даже командные соревнования по спиннингу. Среди участников было немало «старичков». Но уже в 1953 году *соревнования по спиннингу* были из плана вычеркнуты. «Кировские спиннингисты, а они почти все люди пожилые, занимаются этим видом спорта сами, без всякого руководства. В спортобществах им, не стесняясь, говорят: «Некогда с удильщиками возиться...».

«Стихийно» занимаются физкультурой и немолодые евпаторийские спортсмены. «Наша «стариковская» группа, — пишет эвакуатор курорта **С. Лядов**, — занимается физкультурой регулярно все лето, а если погода позволяет, и зимой. Но вся беда в том, что мы не знаем, какие виды спорта полезны в нашем возрасте».

В своих письмах многие читатели (**М. Рымарь, С. Калужный** и др.) требуют создания при спортивных обществах специальных групп для людей средних лет, требуют планомерных, регулярных занятий в коллективе под руководством тренеров. Необходимость этого диктуется, на взгляд читателей, многими соображениями: ведь к физкультурникам среднего возраста предъявляются иные требования, чем к молодежи, у них другие цели, а главное — меньшие возможности.

Бег с препятствиями Рис. Е. Горохова

Есть и еще одна причина — это вполне понятная человеческая застенчивость и неуверенность, с которыми должны считаться руководители обществ. Вот что пишет читатель **Ю. Дыхно** (Баку): «Почти в каждом дворе молодежь устраивает «футбольные поля». И как порой хочется человеку с солидным положением и весом ударить по мячу, подвернувшемуся под ноги, вспомнить молодые годы, да как-то неудобно и не хочется показаться смешным».

Поневоле станешь застенчивым, если наталкиваешься на людей, в глазах которых сквозит откровенная снисходительная усмешка или неприкрытое равнодушие. Один из работников казахстанского радио, куда обратилась с просьбой упорядочить время радиогимнастики читательница **Л. Миллер** (Алма-Ата), узнав о ее специальности и возрасте, был не на шутку возмущен: «Пожилая, машинистка какая-то, а туда же, в физкультурницы собралась...»

«Собрался в физкультурники» и читатель **П. Сафронов** (Москва). В обществе «Буревестник» и в конно-спортивной школе он получил более вежливые, но не менее решительные отказы.

Читатель **Э. Данцис** (Валмиера) спрашивает, почему нет книг по физкультуре для людей среднего возраста.

В какой-то степени итог всем откликам подводит письмо доцента **В. Попова** (Кемерово). Он пишет:

«Ведь если физкультуру и спорт рассматривать прежде всего как средство оздоровления людей, то, — справедливо рассуждает автор письма, — нельзя, невозможно выкинуть из поля зрения огромную массу людей «старшего поколения»; нельзя не только в интересах сохранения красоты их фигуры, но главное — их работоспособности, производительности труда в подлинном смысле слова.

Между тем в представлении физкультурных организаций задача людей, занимающихся спортом, — это, во-первых, сдача норм на значок ГТО, а во-вторых, участие в соревнованиях. Те, кто сдал эти нормы или по тем или другим причинам не участвует в соревнованиях, — кандидаты на «выход из игры». Таким образом, ГТО и соревнования из средств оздоровления превращаются в самоцель. Деревья явно заслоняют лес.

Что же практически нужно сделать для того, чтобы втянуть в физкультуру людей, «вышедших из игры»? Для этого, на мой взгляд, нужно: 1) регулярно проводить *соревнования* физкультурников старшего возраста по возрастным группам; 2) выделить для них определенные часы на стадионах, водных станциях, кортах и т. д.; 3) организовать во всех городах врачебную консультацию по вопросам физкультуры для людей среднего возраста».

Надо признаться, что именно такого рода предложений — ясных, дельных, конкретных — и оперативного их решения — читатели и редакция «Литературной газеты» в течение четырех с половиной месяцев, прошедших со времени опубликования фельетона «Вне игры», ждали от Главного управления по физкультуре и спорту Министерства здравоохранения СССР. Этого не случилось. И не потому ли, что сами руководители Главного управления не вышли еще в этом вопросе из положения «вне игры»...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Пора осветить Ново-Краснянку!

Однажды в колхозе имени Ленина Кременского района, Ворошиловградской области, я проводил беседу. Неожиданно меня прервали, казалось, неуместным вопросом:

— А как вы к нам добрались? Ведь уже три дня бушует река Мечетная, а моста-то через нее нет. Дети наши уже два дня в школе не были.

Речь идет о селе Ново-Краснянка, Ворошиловградской области. В селе свыше двух тысяч взрослых жителей. Многие из них работают на шахтах и заводах ближайших городов — Кременное, Рубежное, Лисичанск, куда ежедневно ездят поездами. От села до станции расстояние не близкое — до шести километров. Ни подвоза, ни сколько-нибудь удовлетворительной дороги к станции нет. В непогоду, в бездорожье рабочие идут пешком. Но весною и осенью, когда две речушки, разделяющие село на три части, выйдут из берегов, этот трудовой ритм нарушается: редко кто отважится перебраться через поток верхом на лошади, а сотни рабочих во время половодья находятся на производстве или сидят дома, в зависимости от того, где застанет их разлив.

В селе нет электричества, школа находится в тех же помещениях, где была до революции церковно-приходская, с той лишь разницей, что теперь в ней 10 классов и она занимает восемь помещений, из коих половина — деревенские хаты.

Мне хочется, чтобы село Ново-Краснянка поскорее преобразилось. Для этого давно настало время.

П. СЕЛЮХ,
учитель средней школы

***

От редакции. Наш корреспондент проверил письмо на месте.

Ново-Краснянка — большое село, насчитывающее 1.140 дворов. Здесь — два колхоза.

— Крестьянину нужен свет, — многозначительно сказал один из новокраснянских хлеборобов.

Не меньше, чем в электричестве, Ново-Краснянка нуждается в хорошем помещении для школы. Сейчас учителям и учащимся негде снять пальто, так и сидят они 5—6 часов одетые, в тесном помещении. Школа, в которой обучается 330 детей, не имеет ни одного учебного кабинета.

Сельсовет не раз ставил перед районными и областными организациями вопрос о строительстве новой школы. Сами руководители этих организаций — председатель облисполкома тов. Ф. Решетняк, заведующий областным отделом народного образования тов. А. Колот и другие, бывая в Ново-Краснянке, видят, в каком нетерпимом положении находится школа и насколько справедливы требования сельсовета. Однако все остается без перемен.

Никто не хочет построить мосты через Мечетную. Год назад сельский совет начал строить один мост: забили сваи, положили несколько балок. Потом строительство было прервано.

Ново-Краснянка — глубинное село — нуждается в большем внимании областных и республиканских организаций.

ФЕЛЬЕТОН

Совет молчащих

Ученый секретарь Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации Валерий Лольевич Иваненко готовил очередное заседание ученого совета.

Быть может, иные в простоте душевной полагают, что обязанности ученого секретаря сугубо академические, не требующие волевого напряжения, высокой твердости духа, вообще решительных наклонностей в характере.

Обидное заблуждение! Смеем утверждать, что даже такая, на первый взгляд, несложная задача, как подготовка заседания ученого совета, — не каждому по плечу. Труд этот требует от человека особого таланта и самоотверженности. Начать хотя бы с поисков рецензентов. Вы обращаетесь к одному ученому — занят, звоните другому — загружен. Третий и слышать не хочет — перегружен. Наконец кого-то удалось уговорить, но ваши волнения и хлопоты не кончаются. Проходит обещанная неделя, другая, пятая, проходят все сроки. Ваше терпение иссякло. Вы вежливо напоминаете ученому, что, дескать, хотелось бы все-таки рецензию получить. Быть особенно настойчивым рискованно — вам и так оказывают услугу. Вы кротко взываете к сознательности, опасаясь в душе, как бы ученый вдруг совсем не отказался. И если месяца через два рецензия готова, — вы можете торжествовать: случается, что ждать ее приходится не менее года.

На этот раз счастье сопутствовало ученому секретарю: рецензии были получены в срок. И вот, завершая последние приготовления, он с утра обзванивает членов ученого совета.

— Степан Титович, повесточку нашу вы, надеюсь, получили? — трепетно осведомляется секретарь у руководителя Института сооружений Узбекской академии наук проф. Алтунина.

— Это насчет чего?

— В четверг заседание ученого совета.

— Ах да, совет... В четверг, говорите? Постойте-ка, вспомню, что у меня в четверг... Как бы не перепутать. В субботу — ученый совет в Институте ирригации и механизации. В понедельник — совет в Институте сооружений. Вторник — аспирантский день. Среда — лекции. Ну, что же, четверг, пожалуй, подходит.

Окрыленный удачей, ученый секретарь набирает номер телефона тов. Лебедева, главного инженера Среднеазиатского института по проектированию ирригационных сооружений и сельских электростанций.

— Иосифу Дмитриевичу привет! — бодро говорит Иваненко. — Не забыли еще нас? В четверг ученый совет. Ждем!

— Ох, боюсь пообещать.

— Но хоть на полчасика загляните. Вы же на ученом совете уже два года не были.

— Что поделаешь, дела, дела... Видно, и на сей раз не смогу.

— Иосиф Дмитриевич, голубчик, без ножа режете! Мы же кворума не наберем, научное дело сорвется, как можно!..

— Разве что для кворума... — задумчиво произносит инженер. — Попробую на часик вырваться...

Иваненко проникается недобрым предчувствием, но продолжает звонить, просить, умолять, убеждать.

И вот наступил долгожданный четверг. За длинным столом в конференц-зале в мягких креслах с достоинством заняли свои места члены ученого совета. Председательствующий — заместитель директора по научной части Владимир Николаевич Ярцев — обводит собравшихся невеселым взглядом. Да, не густо сегодня. Из двадцати пяти членов совета явилось только восемь. До кворума, конечно, далеко, но что поделаешь...

— Заседание ученого совета объявляю открытым, — решительно произносит он.

Пока выступает докладчик, пока высказываются официальные рецензенты, ученые торопливо листают разложенные на столе тезисы доклада... Но вот уже слышится призывный голос председателя:

— Что ж, товарищи, приступим к обсуждению. Кто хочет высказаться первым?

В зале наступает тягучая, тоскливая тишина. Проходит десять томительных минут, но члены ученого совета будто воды в рот набрали. Тишина становится невыносимо тягостной. Председатель начинает заметно нервничать.

— Давайте же, товарищи, давайте, — умоляюще произносит он. — Вопрос важный, проблемный, имеет большое производственное значение. Нам бы очень хотелось услышать мнение уважаемых членов ученого совета.

Члены совета поглубже усаживаются в кресла, отводят глаза в сторону и молчат. Тогда председатель решает применить давно испытанное, сильнодействующее средство: он устремляет пристальный взгляд на члена ученого совета Старцева.

— Быть может, вы, Тихон Алексеевич, решитесь первым?

— Да нет, я подожду. Послушаю, что другие скажут.

— Быть может, тогда вы, товарищ Шваб? — переносит взгляд председатель.

— Вы же знаете, Владимир Николаевич, это не мой профиль.

— Что говорить, и так все ясно, — слышится чей-то не совсем уверенный голос.

— Какие будут предложения?

— Работу одобрить, рекомендовать к производству.

— Голосую. Кто за?

Члены совета дружно проголосовали...

Так проходят заседания, так иногда штампуют свои решения члены ученого совета. И нужно ли удивляться конфузам, которые возникают при этом? В нынешнем году ученый совет единодушно утвердил рабочую программу отдела эксплуатации ирригационных систем. И вдруг вскоре выяснилось, что программа была высосана из пальца, составлена без знания условий производства и что, наконец, эта работа, одобренная и рекомендованная советом, просто не может быть осуществлена на месте.

Два года в институте велась научная работа по применению силикатизации грунтов для изготовления ирригационных сооружений. Эту тему утвердил ученый совет, на ее разработку было затрачено немало усилий и средств. И вот в июле нынешнего года совет вынужден был вынести решение о прекращении этих работ ввиду их полной бесплодности.

В протоколах заседаний нет даты, когда бы ученый совет был представлен не то что в полном — хотя бы в половинном составе. Когда совет утверждал годовые планы лабораторий и отделов института, то оказалось, что большая часть намеченных дел уже осуществлена и впору было бы знакомиться с итогами их выполнения. Рассматривая отчет отдела мелиорации, пришлось выслушать все, чем занимались мелиораторы института за три лета и три зимы, хотя в интересах дела мелиораторов полезно было бы послушать гораздо раньше. Да что поделаешь: видно для ученого совета и три года — это слишком жесткий срок, чтобы собраться в полном составе.

Остается тешить себя одной надеждой: когда в институте прочтут эту статью, быть может, в протоколе очередного заседания ученого совета возникнет цифра-чудо: 25. Двадцать пять уважаемых человек впервые соберутся вместе и выяснят, наконец, как могло случиться, что они годами не встречались в этих стенах, что многие забыли уже, как звучат голоса иных коллег при обсуждении проблем, поставленных жизнью?

Будем надеяться, что на этот раз они вспомнят о своем долге перед наукой и превратят ученый совет в живой, оперативный штаб по руководству научно-исследовательской работой института.

Камил ФАЙЗУЛИН

ТАШКЕНТ

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ ДРАМАТУРГИИ

На крутых поворотах

А. АНАСТАСЬЕВ

Не так давно еще, думая о драматургии, волей-неволей приходилось вращаться в тесном кругу редких-редких, чем-нибудь примечательных новых пьес. Сейчас — иное. Разумеется, рано говорить о совершившемся переломе в развитии нашей драматической литературы — она еще очень далека от желаемого. Но несомненно одно: пьес стало больше, и среди них есть произведения талантливые, отражающие существенные явления жизни, написанные в разных жанрах.

И именно потому, что драматургия, вырвавшись из ханжеской схемы фальшивого благополучия, освободившись от тягостных оков «теорий» бесконфликтности, двинулась вперед, — сейчас особенно необходимо внимательно, заинтересованно посмотреть, что же лишает иные пьесы заражающей силы, почему даже, казалось бы, в самые трудные моменты жизни героя мы нередко лишь равнодушно следим за исходом событий, но не становимся соучастниками душевных переживаний героя.

Вот об этих наиболее трудных, критических моментах жизни героя, о крутых поворотах в его сценической судьбе и хотелось бы поговорить после того, как прочитаны некоторые новые пьесы.

1. При первом знакомстве с инженером Барсуковым, героем драмы Ю. Чепурина «Вешние воды», видишь, что это человек неуемной энергии, сильный, смелый до дерзости, настойчивый, умеющий увлекать людей за собой. Так оно и есть. Но только эти черты энергического характера Барсукова подчинены одной, всепоглощающей страсти — честолюбию, доведенному до эгоизма.

Сложный, правдивый характер. И раскрывается он в драме в столкновениях с окружающими людьми, в труде, в делах коллектива строителей канала. Говорили Барсукову, что надо позаботиться о строителях, построить им жилище, открыть хорошую столовую, — только тогда можно рассчитывать на успех; он не послушался, бросил все силы и средства на рытье канала — только бы скорей подвластный ему Степной район оказался впереди. В нечеловечески трудных условиях работают люди, работают самозабвенно, но мало этого Барсукову — он хочет всех удивить, выскочить вперед и проводит огромный взрыв грунта. Взрыв оказался очень эффектным, но не эффективным: положены огромные силы, истрачен весь запас взрывчатки, а результат ничтожный — грунтовые воды помешали.

Неудачный взрыв — первое поражение Барсукова, и можно было думать, что, выслушав суровый приговор начальника строительства, он образумится, поймет свою ошибку, трезво оценит силы. Бывает в жизни и так. Но не таков Барсуков. Неудача только распалила его, побудила сильнее «закрутить гайки». А чем дальше в лес — тем больше дров. Барсуков попрежнему видит в строителях только средство к достижению своей славы и восстанавливает против себя коллектив строителей. Не идет работа на участке, срывается план, и чем хуже дела, тем более ожесточается начальник, тем яснее обнаруживается его непригодность.

И вот настал момент, когда надо решать: пан или пропал. Дело осложняется не только тем, что участок в прорыве, но и тем, что Барсуков в отчаянных поисках самозащиты подло ведет себя по отношению к товарищу, предстает перед нами не только как зарвавшийся карьерист, но и как морально низкий человек, причем предательский поступок по отношению к Тальянову опять-таки продиктован честолюбивыми, карьеристскими соображениями. Быть может, хоть теперь он поймет, что на чаше весов лежат его былая честная жизнь и гражданская смерть, позор. Да, он понимает это, но его «занесло»: опытный руководитель и знающий инженер, Барсуков, вопреки элементарным требованиям строительства, принимает вредительский совет инженера Леванидова, он снимает всю технику с постройки дамбы, которая должна защитить строительство от паводка, и подвергает неминуемой угрозе сооружение — плод труда тысяч рабочих. Так логика поведения Барсукова привела его к преступлению.

Именно здесь — критический момент в жизни Барсукова, пункт, где в решительной схватке встретились эгоизм карьериста и ответственность перед народом. В Барсукове победил эгоизм. В драме же торжествует правда жизни, ибо всем развитием действия писатель подвел нас к такому итогу, раскрыл типическое явление жизни, вместе с нами осудил его не только разумом, но и сердцем. Катастрофа на строительстве, гибель хорошего юноши-экскаваторщика, только что познавшего счастье любви, — вот что придает эмоциональную окраску нашему суду над Барсуковым.

Однако Ю. Чепурину показалось это недостаточным. Он решил дальше разоблачить героя. Когда Барсукову грозит гибель в хлынувшей воде, он приказывает по телефону взорвать плотину, — так обнаруживается в нем трус, испытывающий животный страх перед смертью. И несмотря на кажущуюся закономерность такого исхода, думается, что писатель напрасно ввел эту сцену, ибо такой поступок не в характере Барсукова, человека, одержимого честолюбивым стремлением к славе, могущего совершить подлость, но человека волевого, по-своему сильного. Здесь драматург решил, что называется, «добить» своего героя, поставить точку над «i». Однако Ю. Чепурин не заметил, видимо, что, обратив упорного, настойчивого человека, — опасного именно тем, что его немалая сила направлена по неверному пути, — в жалкого труса, он подменил один вопрос другим, ослабив сущность типического явления, носителем которого является Барсуков. Хочется посоветовать Ю. Чепурину изменить эту сцену, не мельчить удавшийся ему своеобразный характер современного честолюбца.

И возникает вопрос к писателю: а как повел бы себя Барсуков дальше, если бы он остался самим собой и не оказался мелким трусом, как повел бы он себя после того, как потерпел катастрофу в жизни? И другой вопрос: как развивалась бы столь интересно намеченная в драме, безотчетная, самозабвенная любовь красавицы Катерины к Барсукову, которая видит все его черные дела, но не перестает любить его? Вот на эти вопросы хотелось бы получить ответы в пьесе, в спектакле. Думается, это одинаковое желание и зрителей и актеров.

2. Героем многих наших пьес является душевно чистый, хороший советский человек, который под влиянием тех или иных обстоятельств сбился с верного пути, неожиданно для себя оказался человеком отсталым, а затем с помощью друзей, коллектива осознал меру своего падения и вернулся на прежнюю дорогу.

Порой высказывается мнение, что такое построение сюжета схематично, что герой, осознающий свою ошибку, стал штампом в нашей драматургии. Мнение это глубоко неверно. Люди не гарантированы от ошибок и заблуждений, им свойственны слабости и отрицательные черты, берущие подчас верх над положительными; и в самой природе советского общества, в духе нашей жизни — лечить таких людей, помогать им вылезти из трясины тщеславия, эгоизма, распущенности, безделья. И если драматург берет на себя задачу в художественных образах отразить этот процесс общественного воспитания людей, то задача эта высока и благородна.

Подобную задачу взял на себя А. Суров в своей новой пьесе «Порядочные люди». Писатель увидел в жизни типическое явление: передовой человек, новатор в подлинном смысле слова, рабочий, ставший общественным деятелем, не вынес почестей, славы, известности — у него закружилась голова, и он, отказавшись от труда, который и дал ему славу, превратился в болтуна и бездельника. Это очень зорко подмечено. В нашей стране, где слава добывается трудом, где каждому рядовому человеку открыта дорога к высокой общественной и государственной деятельности, есть и такие люди, которые используют советскую демократию в эгоистических целях и неожиданно для себя скатываются к обывательщине.

Таким оказался герой пьесы А. Сурова Виктор Стрельцов, ранее знатный сталевар, а ныне лишь непременный член президиума всяческих совещаний и участник множества делегаций. Драматург показал нам этого Виктора, показал и представителя той питательной среды, в которой вырастают подобные типы. Это — некто Енотов, деляга, пробравшийся к партийному руководству и живущий славою другого человека. Енотов всячески поддерживает в Викторе уверенность, что тот — «государственный человек», он плетет сети интриги против честных людей, желающих вернуть Виктора на путь трудовой жизни. Енотову это выгодно, ибо он выдает себя за человека, вырастившего молодого новатора.

Все это достоверно и сильно показано в пьесе Сурова. Удалось драматургу показать и ту среду, где нетерпимо относятся к перерождению Виктора, прежде всего — его собственную семью. Старый Стрельцов, мать Виктора Агафья Степановна, честнейшей души женщина, которая просто не может поверить в падение сына, и сестра Маша — все это настоящие, живые люди, образующие ту атмосферу моральной чистоты, которая свойственна советской жизни и которой так разительно не соответствуют люди вроде Виктора или Енотова.

Насколько же тяжела болезнь Виктора? Окончательно ли погряз он в болоте мнимой славы или есть надежда на его возвращение в хорошую семью Стрельцовых, в семью советских трудовых людей? Писатель говорит, что есть такая надежда, и мы верим ему. Но для того, чтобы поверить по-настоящему, от души, надо увидеть, почувствовать, **как же** исцелялся Виктор, **что** он чувствовал, переживал, надо поверить в **истинность** того момента, когда Виктор предстал перед нами в новом обличье.

Мы видим Виктора, когда он, приехав из-за границы, хвастается модными костюмами, любуется собою, покровительственно относится ко всем окружающим. Мы были свидетелями сцены, где в открытом бою столкнулись два бывших друга — Виктор Стрельцов и Андрей Медведев, настоящий коммунист, передовой рабочий; и Виктор выгнал Андрея из своего дома. Мы узнали, что Виктор уже не тот мастер, каким был прежде, — он заквасил сталь и, пытаясь оправдать свое поражение, обвинил всех и вся в зависти, в желании осрамить его, знатного человека...

Все одно к одному. Виктор — это вовсе не маленький человечек, которого случайно посетила слава; это, повидимому, сильный характер, и тем опаснее его заблуждение. Трижды прав драматург, показывая его именно таким. Крепко затянула Виктора обывательщина, и нелегко ему будет сбросить с себя тяжелый груз. А тут еще Енотов подзадоривает его, настраивает против Андрея, отца, инженера Никитина.

Но вот пьеса подходит к финалу, и мы узнаем, что Виктор понял, как он глубоко заблуждался. Как же это произошло?

Вот как. После того, как писатель, халтурщик Швед, приехавший прославить Виктора в своей пьесе и считающий, что в нашей жизни нет никаких конфликтов, излагает собравшимся «идею» будущей производственной драмы, Виктор спрашивает его: «Послушайте, откуда вы все это взяли?» Оказывается, Швед воспользовался книгой самого Виктора и обратился, кроме того, к технологической инструкции. И тут Виктора взорвало. «Это, — как сказано в ремарке, — уже не элегантный молодой красавец с затуманенным взором, певучим голосом, легкой, неслышной походкой. К столу, тяжело передвигая ноги и тяжко дыша, подошел человек с растрепанным чубом, с глазами, налитыми кровью, и что есть мочи хватил по столу кулаком. Запрыгали бутылки, стаканы, посыпались шахматные фигуры. Не сказал, а прохрипел:

— К чорту!.. Убирайтесь к чертям!.. С кем конфликтовать? А?.. (Шведу) Ты, ты... К чертям собачьим!..»

Спору нет, и ремарка весьма живописная, и слова достаточно энергичные. Но чем же объяснить столь решительный поступок — ведь раньше Виктор с радостью и ощущением собственных заслуг встречал писателя? Как же превратился «элегантный молодой красавец с затуманенным взором» в «человека с растрепанным чубом, с глазами, налитыми кровью»? Иначе и всерьез говоря: **что** привело Виктора к осознанию пагубности пути, на котором он оказался? Какую душевную борьбу пережил Виктор на крутом повороте своей жизни?

Мы этого не знаем. Незадолго до прозрения Виктора у него было два разговора — с сестрой Машей и с девушкой Катей, которую он, повидимому, любит.

Маша сказала Виктору:

— Загляни в себя поглубже. Глазами разума и сердца загляни. А оно, сердце, неплохое у тебя. Да и разумом природа не обидела. Только вот кое-кто намусорил тебе в голову... Мы еще поговорим с тобой об этом.

Но больше они так и не поговорили, и право же, трудно думать, что машины слова могли переродить уже закоренелого в своем заблуждении, умного человека.

Затем вошла Катя, попрежнему любящая и страдающая оттого, что Виктор оказался обманщиком, клеветником.

Виктор просит хоть ее не срамить его, пытается шутить, резонерствует, затем говорит, что он «вдруг почувствовал», какая она, Катя, ему родная, и, «взявшись за руки, они идут в дом».

Можно понять Катю — она любит Виктора, несмотря ни на что, и поддалась первому же ласковому слову любимого. Могло быть вполне, что душевный разговор с любимой девушкой заставил Виктора задуматься о своей жизни и привел к решению жить иначе. Но такого разговора и таких раздумий в пьесе нет, и эта сцена не объясняет нам причин душевного переворота Виктора.

В финальной сцене инженер Никитин говорит: «Вернуть Стрельцова к нормальной жизни возможно было сильной встряской. И такую встряску он получил». Верно, получил, но за сценой, и мы не увидели, как пережил он эту встряску.

Беда во многом интересной пьесы А. Сурова заключается в том, что мы так и не увидели, не почувствовали, а стало быть, не поверили в душевную драму Виктора, в искренность осознания им своего заблуждения. Ведь не считает же писатель, что все обошлось очень просто, само собою, без душевной борьбы. Наверное, в жизни каждого человека бывали моменты, когда приходилось всей душой почувствовать ошибку в личной, общественной, трудовой жизни, и образ Виктора тем и дорог, что у каждого зрителя, даже никогда не попадавшего в его положение, он мог бы найти жи-

КНИГА БОЛЬШИХ ИДЕЙ

◇

В. ЖДАНОВ

◇

Есть книги, против которых бессильно время. К таким книгам относятся «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского. Недавно вышло новое издание классической работы великого критика-демократа. Перечитывая эту книгу, созданную почти сто лет назад, снова и снова испытываешь чувство гордости за русскую науку: неотразимая сила мысли, острота критического анализа соединяются в работе Чернышевского с громадной научной эрудицией, с подлинным блеском изложения.

«Очерки» впервые были напечатаны, как известно, в «Современнике» в 1855—1856 годах. По цензурным условиям автор не имел возможности назвать в первых четырех очерках имя Белинского и совсем не мог упомянуть Герцена. Но критик-революционер выработал свои приемы борьбы с царской цензурой. Он называл Белинского (в первых очерках) «критиком гоголевского периода», «молодым противником Полевого», а Герцена имел в виду, когда писал «г. Огарев и его друзья». Искусно преодолевая цензурные препятствия, Чернышевский сумел дать широкую и разностороннюю картину развития русской общественно-критической мысли первой половины XIX века. Он подверг глубокому анализу идейный и эстетический рост русской критики, стремясь продолжить дело, начатое статьями о Пушкине и другими работами Белинского, которые должны были составить историю русской литературы.

Ни Белинскому, ни Чернышевскому не удалось завершить задуманные ими грандиозные труды, но именно они создали первые научные и в то же время насыщенные пафосом революционной борьбы исследования по истории отечественной литературы. Именно они, а не Пыпин, не Веселовский и не другие либерально-буржуазные литературоведы, заложили фундамент этой науки. «Очерки гоголевского периода русской литературы» — лучшее тому доказательство. Чернышевский дает в своей книге анализ литературного процесса, он обобщает все доступные исследователю факты и материалы, в частности, относящиеся к истории критики, подробно характеризует журналы, литературные направления и творчество их наиболее видных представителей.

К сожалению, капитальная работа Чернышевского в советском литературоведении еще не получила достойной оценки как исследование по истории русской литературы, сохранившее все свое значение и по сию пору. Автор послесловия к новому изданию «Очерков» Н. Богословский не коснулся вопроса о роли Чернышевского как историка литературы, хотя общая оценка труда великого критика дана Н. Богословским правильно и написано послесловие интересно.

Рассматривая и оценивая литературные явления первой половины XIX века, Чернышевский уделяет главное внимание формированию критического, обличительного реализма. «Очерки гоголевского периода» явились своеобразным манифестом этого направления в 50—60-е годы, когда либерально-дворянские идеологи с новой силой ополчились против Гоголя и его школы, пытаясь противопоставить им Пушкина как якобы сторонника искусства, отрешенного от жизни. Чернышевский разоблачил эту клевету на величайшего русского поэта. В то же время критик-революционер считал наиболее важным для развития русской литературы «гоголевское» направление, звавшее к обличению социального зла, к борьбе против лжи и пошлости, за освобождение человека. «Пушкина давно уже все признали великим, неоспоримо великим писателем; имя его — священный авторитет для каждого русского читателя»,— пишет Чернышевский. За Гоголя же нужно еще бороться, его учеников и последователей нужно поддерживать, ибо они подвергаются гонениям за свои идеалы. Со страстью говорит об этом Чернышевский. Он использует некрасовский образ: «...никогда «незлобивый поэт» не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, «питая грудь ненавистью» ко всему низкому, пошлому и пагубному, «враждебным словом отрицанья» против всего гнусного «проповедует любовь» к добру и правде».

Чернышевский прямо указывает, что Гоголь явился главой целого движения, направленного против угнетения и деспотизма: «Гоголю многим обязаны те, которые нуждаются в защите; он стал во главе тех, которые отрицают злое и пошлое. Потому он имел славу возбудить во многих вражду к себе. И только тогда будут все единогласны в похвалах ему, когда исчезнет все пошлое и низкое, против чего он боролся!» Революционным пафосом согреты эти слова. Чернышевский призывает русских людей, трудящихся и угнетенных, нуждающихся в защите, объединиться под знаменем гоголевского направления. Так Чернышевский идет от литературы к революционной деятельности, ибо литература была в его глазах одной из форм борьбы народа за освобождение, а собственная критическая работа — важным политическим делом.

В первых главах книги Чернышевский решительно выступает против реакционной критики, которая в 30-е годы преследовала Гоголя за его обличительное направление. Полемизируя с Полевым, высмеивая Сенковского и Шевырева, Чернышевский, конечно, имел в виду и современных ему критиков типа Дружинина, которые в 50-е годы, пользуясь приемами своих предшественников, продолжали воевать против передовых писателей-реалистов. Лишь в статьях Белинского Чернышевский увидел справедливую и глубокую оценку значения Гоголя и гоголевского направления. Напомнив своим читателям о Белинском, воскресив это славное, бывшее под запретом имя, Чернышевский открыто заявил себя его последователем; он восстановил, утвердил в русской критике замечательные революционно-демократические традиции Белинского. Это великая заслуга Чернышевского перед русской литературой.

Неутомимо и последовательно боролся критик за утверждение национальной самобытности русской литературы. В противовес различным толкователям творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, усматривавшим в их произведениях одни лишь зарубежные влияния, Чернышевский подчеркивал оригинальность и самостоятельность русской литературы, выступал против космополитического истолкования творчества русских писателей. Он с негодованием писал о Шевыреве, который в статье о Пушкине не сказал ни слова о содержании и значении его поэзии, но зато усердно сравнивал русского поэта то с Рафаэлем, то с Кановой. За лживыми похвалами Пушкину критик-демократ увидел стремление принизить, оскорбить великого национального поэта. То же самое писал Шевырев о Лермонтове и даже о Гоголе. Автор «Ревизора» и «Мертвых душ» был, по Шевыреву, всего лишь подражателем Тика и Гофмана. Отвергая эти нелепые сопоставления, Чернышевский иронически восклицал: «Уж после этого «Песня о Калашникове» не есть ли подражание «Гецу фон Берлихингену»? ведь у Гете тоже изображено владычество «кулачного права».

Низкопоклонство перед западной культурой, широко распространенное в либерально-дворянских кругах, не могло не вызывать гневного протеста революционно-демократической критики. Разоблачая псевдоученых, заносивших руку на величайшие сокровища русской национальной культуры, Чернышевский писал о том же Шевыреве: «...удивительно покажется то, что на «Мертвых душах», по мнению критика, ярко отразились итальянские краски, что талант Гоголя воспитан не русскою жизнью, а итальянскою природою и картинами Рафаэля, не беседою с русскими людьми, а обращением с итальянскими живописцами». Всем этим антипатриотическим рассуждениям Чернышевский противопоставляет мнение Пушкина, поддержанное Белинским, который всесторонне раскрыл исторический смысл творчества Гоголя, выяснил его место в русской и мировой литературе.

Большая часть «Очерков» посвящена наследию Белинского; Чернышевскому впервые предстояло оценить подлинное значение деятельности критика, охарактеризовать его идейное развитие, раскрыть величие его борьбы за передовую народную литературу. Одновременно он должен был взять под защиту идеи Белинского, отстоять их от нападок многочисленных врагов. Чернышевский с блеском выполнил эти задачи. Он определил роль Белинского в формировании русской национальной культуры, дал исторически справедливую оценку того вклада, который был внесен им, а также Герценом, в развитие русской общественной и литературной мысли. «...умственная жизнь нашего отечества, — с гордостью писал автор «Очерков», — произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников».

Как это ни странно, до сих пор еще в академических кругах иногда проскальзывает скептический взгляд на научное значение работы Чернышевского. Ее недостаточно широко используют при изучении идейно-творческого пути Белинского, хотя несомненно, что в этом отношении она полностью сохраняет свое значение драгоценного первоисточника.

Обобщая свою характеристику деятельности Белинского, Чернышевский писал: «...немного найдется в нашей литературной истории явлений, вызванных таким чистым патриотизмом, как критика гоголевского периода. Любовь к благу родины была единственною страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества». Оценивая благотворное влияние Белинского на развитие русской литературы, Чернышевский мог с гордостью назвать целую галерею имен писателей, сложившихся под непосредственным воздействием революционно-демократической критики. По пути, указанному Белинским, вслед за Гоголем пошли Некрасов, Тургенев, Герцен, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой и другие крупнейшие мастера русского слова, прославившие на весь мир отечественную литературу. В формировании этих писателей немалую роль сыграла передовая русская критика: Белинский и его продолжатели — Чернышевский и Добролюбов.

«Очерки гоголевского периода» — книга больших мыслей. Она учит советскую критику оценивать литературу с точки зрения живых потребностей современности, учит направлять внимание писателей на решение острых и злободневных вопросов жизни общества. Труд Чернышевского по истории русской литературы напоминает о том, что только на пути историзма можно достичь объективного и глубокого понимания литературных явлений. Эта книга, проникнутая духом борьбы, зовет советскую критику к высокой принципиальности, идейности, непримиримости ко всему, что тормозит развитие нашей литературы.

Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. Гослитиздат. М. 1953. 422 стр.

вой отклик. Но это лишь в том случае, если бы Виктор приоткрыл нам свою душу. Этого-то и нет в пьесе...

А могло быть совсем иначе. Но для этого надо было, чтобы писатель дал нам возможность встретиться с Виктором в тот момент, когда созревало в нем суровое осуждение собственного жизненного поведения, чтобы и в этот момент он—как характер—и оставался самим собой и раскрывался нам в каких-то **новых** своих чертах. Это, наверное, очень трудная художественная задача, но, право же, стоило драматургу отважиться на ее решение.

3. С. Алешин назвал свою новую пьесу «Строгая девушка» комедией. И в самом деле, в ней есть комедийное начало — его олицетворяют клубный работник Хорохорин и комсорг цеха Малашкин. Можно сказать, что Малашкин — это сатирический образ, настолько зло, резко высмеяны в нем те комсомольские бюрократы, для которых существуют лишь мероприятия, но нет людей, нет живого дела. Превосходно первое появление комсорга с портфелем на молодежном маскараде. Выяснив некоторые вопросы, он спрашивает комсомолку Дусю:

— Как с весельем?

Два слова, а виден в них закоренелый бюрократ и делята, образ которого остается цельным до конца произведения.

Есть в пьесе и другие комедийные элементы — эпизоды, реплики. Но в целом «Строгая девушка», конечно, не комедия. Это лирическая пьеса о девушке, которая пришла на завод из фотоателье, увидела новую жизнь, постепенно вошла в нее, полюбила парня, стахановца-рекордиста, а парень оказался плохим. Трудно Тоне Куликовой — и дело долго не ладилось у нее, и платья красивого нет, и любовь не дает ей покоя... Впрочем, вскоре парень оказался хорошим, Тоня стала лучшей стахановкой, и, счастливая, она едет в рабочей делегации за границу.

Не скроем, обидно, что писатель так быстро «устроил» тонину жизнь, не дал нам заглянуть в душу девушки, ничем не примечательной, а просто хорошей, чистой, жизнь которой совсем нелегка. Но, разумеется, дело драматурга — направлять жизнь своей героини, и мы послушно идем за ним. Послушно, но с требовательным желанием все понять и во все поверить.

Тоня Куликова полюбила красивого, веселого парня, отличного работника Васю Гуляева, слава которого гремит по заводу. Кто же этот Вася? После того, как Тоня впервые поцеловала его и спросила, любит ли он ее, Гуляев ответствовал:

— Знаешь, Тонечка, если по чести сказать, то я про любовь вот как думаю. Придумано, по-моему, тут, наверное, больше... Вот читаешь иногда в книгах — жить, говорят, без тебя не могу... Свет, например, без тебя не мил... Ну, и так далее... Чепуха это, я так считаю... Это раньше, когда людям делать было нечего, тогда, может, так и любили. А теперь — трудовое лицо человека — вот главное. Без работы, действительно, что за жизнь? А любовь...

Кто мог так сказать? Безнадежный ханжа или закоренелый циник? А быть может, это просто мальчишеское гаерство, напускная лихость привыкшего к легким победам шалопая? Надо полагать, драматург, сочинивший эту реплику, склоняется к такому толкованию, но и в этом случае Гуляев выглядит не только пошляком, но дураком, ибо сколько-нибудь умный человек не будет излагать подобные взгляды на любовь девушке, которая впервые полюбила.

Да, нелегкая жизнь предстоит Тоне,— она ведь любит Гуляева, несмотря ни на что. Разве это не драматическое положение? Наверное, немало слез пролила Тоня, не раз задумывалась о самом главном в жизни, и радость ее заводских будней омрачалась неразделенной любовью. Как разрешить этот вечный вопрос...

Повторяем, драматург отказался от решения такой художественной задачи — он привел Тоню и Гуляева к счастливой любви. Мы готовы порадоваться за Тоню, но **как** же все это произошло, что переменилось в Гуляеве за время между злосчастной встречей на карнавале и финальной сценой на аэродроме?

На протяжении пьесы до ее финала Гуляев ни разу, ни одним словом не обмолвился о своей любви к Тоне, о том, что он по-новому судит о любви, ни одним поступком не показал, что что-то изменилось в его жизни, взглядах, поведении. Однажды он пришел к Тоне, — повидимому, хотел сказать о себе, о своей любви, — но не сказал, обидевшись, разозлившись на то, что Тоня сказала ему: «Все прошло...» А как же она могла сказать, будучи глубоко оскорбленной? В другой раз Гуляев увидел Тоню Куликову спящей во время работы и отказался подписывать акт о грубом нарушении ею трудовой дисциплины. Он даже защищал Тоню, обещал ей поддержку на комсомольском бюро. Но ведь по пьесе Тоня в самом деле заслуживала снисхождения и, право же, ее поддержал бы **каждый** тонин товарищ, если он не похож на бездушного бюрократа Малашкина. И еще Гуляев встретился с Тоней на совещании у парторга по вопросу о борьбе с потерями, где грубо обрушился на нее.

Вот все, что произошло между Гуляевым и Тоней. А затем — аэродром, цветы, покаяние и объяснение в любви под занавес.

Так нельзя, в это нет веры. Пусть Гуляев норовист, обидчив, вспыльчив, но если он вышел из пьесы не таким, каким пришел в нее, мы хотим знать, как произошла перемена. Только в этом случае можно поверить в самостоятельную, истинную жизнь героя, а иначе — герои действуют вопреки правде жизни, по произвольной указке драматурга. Так и происходит в пьесе «Строгая девушка».

И не один Гуляев. Парторг цеха Симагин — отсталый человек, живущий чужим умом, не знающий дела, тормозящий новаторство молодых рабочих. Таким он предстает в беседе с парторгом ЦК Ольгой Федоровной. Ничего не понял он из того, что она ему говорила. Но вот начинается совещание (кстати, утомительнейший разговор на производственные темы), Симагин не проронил на нем ни слова, а вышел из парткома совершенно новым человеком и в дальнейшем стал помогать молодым рабочим. Что же произошло на совещании, какое потрясение пережил парторг,—ведь только в результате потрясения может человек так резко перемениться. Он выслушал соображения Ольги Федоровны:

— Вот вопрос: а зачем нам вообще нужна эта борьба с потерями? Ну, сбережем мы разных деталей на сотни тысяч рублей. Станем богаче. А для чего? Что нам за радость в этих рублях? Дело, очевидно, не в них, а в том, что когда мы теряем, так теряем не только рубль, но и труд и уважение к этому труду,—мы самих себя теряем.

Не говоря уже о том, что суждения парторга ЦК о борьбе с потерями на производстве не выдерживают критики с точки зрения принципов социалистической экономики, вряд ли можно приметить в словах Ольги Федоровны ту взрывчатую силу, которая могла потрясти, встряхнуть Симагина.

***

Пьесы, о которых шла речь,— произведения очень разные по уровню писательского мастерства, по художественным особенностям, о каждой из них следует говорить подробно. В этих заметках хотелось сосредоточить внимание на одном, думается, весьма важном для нашей драматургии вопросе: как действуют герои, как проявляются их характеры в моменты наивысшего душевного напряжения. И напрасно писатели нередко обходят эти моменты, в которых с наибольшей силой раскрывается характер человека, напрасно и потому, что тем самым пьесы, в которых заложена основа большой драмы, лишаются подлинного драматизма.

К ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ФОРМАЛЬНАЯ ОПЕКА ИЛИ ТВОРЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО?

◇

Бор. ЛАВРЕНЕВ, Вл. ПИМЕНОВ

◇

Немало новых пьес появилось в журналах, но большинство из них выпущено в свет репертуарно-редакторским отделом Управления театров Главискусства. Справедливости ради надо отметить, что в результате работы этого отдела в театрах идет меньше плохих инсценировок и слабых, недоработанных пьес; пьесы московских авторов быстрее доходят до театров. Но тем не менее должного порядка во всей работе по созданию нового репертуара еще нет.

Дело с рассмотрением, разрешением, рекомендацией и распространением новых драматических произведений поставлено неудовлетворительно. Формирование репертуара во многих театрах и репертуарная деятельность органов Главискусства все еще не носят творческого характера, ведутся подчас административными методами.

Главрепертком и его организации на местах были упразднены в 1951 году, потому что контроль за репертуаром выродился в администрирование, при котором пьесы механически разрешались или запрещались. Театры наводнялись потоком слабых, ремесленных, порочных в идейно-художественном отношении пьес, халтурных инсценировок и переводов. Стоит напомнить, что, по предложению Союза советских писателей, Комитет по делам искусств снял с репертуара театров свыше 50 таких инсценировок и переделок.

В то же время Главрепертком долгие месяцы, а иногда и годы, не разрешал острые, актуальные по своему содержанию пьесы: «Под золотым орлом» Я. Галана, «За вторым фронтом» В. Собко и другие. Главрепертком вмешивался в творческую работу драматургов и часто требовал вносить в пьесу исправления, идущие вразрез с идейным замыслом и всем художественным строем произведения.

После упразднения Главреперткома в Комитете по делам искусств СССР, в комитетах и управлениях союзных и автономных республик были созданы репертуарно-редакторские отделы. Они должны были вести творческую работу с писателями, рассматривать, рецензировать и обсуждать пьесы, опираясь на широкий актив драматургов и критиков, направлять деятельность писателей и театров. Все это могло бы способствовать оживлению творческой деятельности драматургов и театров.

Однако практика последних двух лет показала, что в работе репертуарно-редакторских отделов еще существуют большие недостатки. Органы Главискусства неправильно поняли свои функции и в стремлении административно централизовать весь процесс создания репертуара и выпуска пьес превзошли даже Главрепертком.

Сейчас все новые драматические произведения должны обязательно проходить через репертуарно-издательский отдел Главискусства, через руки его 12 редакторов. Если учесть, что за год в этот отдел поступает свыше 1000 пьес от профессиональных писателей непосредственно, от начинающих драматургов, от местных управлений искусств и театров, нетрудно себе представить, как узка эта единственная дверь.

Такой порядок рассмотрения новых пьес привел к тому, что немногочисленные сотрудники отдела даже не коллективно, а в одиночку решают судьбы драматических произведений. Подобного положения нет ни в одном жанре литературы. Произведения поэзии и прозы, очерки и публицистика могут быть напечатаны в любой газете и журнале, изданы в издательстве, если их приняла та или иная редакция. Ведь в каждом издательстве есть редакционный совет, в котором формируется общественное мнение о рукописи. Пьеса же для того, чтобы ее поставил театр, может быть рассмотрена только одной инстанцией: репертуарно-редакторским отделом Главискусства. Причем были попытки даже редколлегиям журналов запретить рассмотрение пьес и их публикацию. Так, например, журналу «Сибирские огни» вначале было запрещено печатать пьесу В. Лаврентьева «На просторах» на том основании, что с ней не ознакомлен репертуарно-редакторский отдел Главискусства. Издательство «Искусство» и сейчас может печатать пьесы только после их рассмотрения в отделе. Если же издательство выпустит пьесу без визы отдела, то такая пьеса не имеет права на постановку в театре, а является так называемым «литературным вариантом».

Взвалив на репертуарно-редакторский отдел непосильную обязанность, руководители Главискусства толкают его редакторов к ремесленным и стандартным методам работы, к бесконечному механическому повторению одних и тех же заданий авторам — углубить характеры, найти сюжетный ход, обострить конфликт, как будто применение общеизвестных технических приемов и правил может привести к оригинальному творчеству. Редакторы отдела из-за огромной загрузки не могут стать творческими советчиками автора.

Ответственная работа по редактированию пьес по плечу лишь высококвалифицированным, опытным и талантливым редакторам. Они есть в редакциях журналов, в издательствах, а репертуарно-редакторский отдел до настоящего времени недостаточно укомплектован редакторскими кадрами. Надо полагать, именно поэтому отдел выпустил в свет, как отредактированные, слабые пьесы: «Ночной звонок», «Белый фургон», «Хозяин Голубой долины», «Вместе с вами», «Дон Иваныч», «Угрюм-река» и другие. Постепенно прекратилось в отделе общественное обсуждение новых пьес. Пьеса обсуждается только узким и постоянным кругом одних и тех же сотрудников. Живого мнения творческих работников о пьесе автор не получает,— здесь он слышит только приговоры. Сотрудники отдела, среди которых есть и театральные критики, как, впрочем, и руководящие работники Главискусства, почти никогда не выступают на совещаниях и обсуждениях пьес в Союзе писателей, в театрах, в печати.

Порядок рассмотрения рукописей в репертуарно-редакторском отделе превратился в затяжной и томительно долгий процесс с бесчисленными доработками по указаниям редакторов. Хорошо, если драматург москвич, он живет дома и без всяких неудобств переживает «редакционный период». Сложнее положение автора с периферии. Он вначале приезжает для встречи с редактором; выслушав его замечания, он уезжает домой и дорабатывает пьесу, чтобы затем вновь приехать в Москву для обсуждения нового варианта. Это повторяется три, четыре, а иногда и пять раз.

Наконец, разрешение получено; казалось бы, тернистый путь пьесы закончен — она может стать достоянием театра. Но это далеко не так. Право театра на самостоятельный выбор пьесы и до сих пор является блефом. Это надо делать обязательно через репертуарно-редакторский отдел. Более того, даже уже разрешенную пьесу театр, прежде чем включить в свой репертуар, должен представить в вышестоящие учреждения искусства, где также есть сотрудники, руководящие репертуаром, и если им пьеса не понравится, то это отразится на судьбе пьесы в театре.

Серьезной помехой в работе театров является то, что многие из них не имеют средств для того, чтобы заключить договор с драматургом.

Система репертуарного контроля усложнилась еще одной мерой административного порядка. Разрешение на постановку пьес в театрах стало выдаваться на сроки от года до трех лет. Таким образом, выходит, что идеи, выраженные писателем в его пьесе, оказываются действительными... только на один год. К примеру, герои новой пьесы А. Сурова «Порядочные люди» получили право жить на сцене до 1 января 1956 года, пьесы А. Козина «В краю родном»; Б. Балабана и В. Собко «100 миллионов» — только до 1955 года; пьеса В. Дыховичного и М. Слободского «Где эта улица, где этот дом» разрешена с 31 июля 1953 года до 1 августа 1954 года.

Сложная система прохождения пьес заставляет драматургов изыскивать способы обхода этих трудностей. Русские писатели, живущие и работающие в союзных республиках, могут утверждать свои пьесы только в Москве; республиканские же организации имеют право разрешать пьесы, написанные на языке народа республики. И вот русский драматург, написав пьесу на родном языке, переводит ее на язык народа одной из братских республик и получает визу на постановку пьесы на сценах театров республики, кроме русских театров, работающих на территории этой республики. К примеру, русский драматург М. Шевердин, живущий в Узбекской ССР, написал пьесу «Пять лесных тайн»; ее перевели на узбекский язык, узбекские организации разрешили ее, и пьеса идет в семи театрах Узбекистана на узбекском языке. Такие же трудности встречаются при постановке пьес драматургов братских республик в русских театрах. За последние пять лет по заказу Главискусства было переведено всего 33 пьесы с языков народов СССР. В аппарате Главискусства вопросами репертуара театров братских республик занимается всего лишь один сотрудник. Он принимает рукописи от писателей, дает оценку пьесам, ведет беседу с авторами. Не зная ни одного языка народов СССР, не зная республик и их особенностей, такой работник не может быть реальным помощником драматургов и театров.

Чтобы улучшить работу по созданию нового репертуара, прежде всего надо изменить систему прохождения пьес по инстанциям, покончить с «сверхцентрализацией» творческого дела. Рассмотрение и редактирование пьес не может быть делом только репертуарно-редакторского отдела Главискусства СССР.

К работе с начинающими авторами надо смело привлекать театры. Союзу советских писателей и его отделениям на местах следует создать консультации, которые могли бы лучшие, интересные пьесы рекомендовать театрам и Главискусству. Главискусство должно с подлинной заинтересованностью заняться работой по переводу лучших пьес народов СССР, и делать это следует не кустарно, а творчески, объединив лучшие силы переводчиков, привлекая к этому важнейшему делу опытных русских драматургов. Желательно восстановить издание репертуарного бюллетеня, который должен быть органом Главискусства и Союза советских писателей и печатать библиографические сведения, аннотации и короткие рецензии на новые пьесы.

Пора, наконец, чтобы театры стали хозяевами своего репертуара. Между тем существующая система разрешения и распределения пьес по театрам породила неправильное отношение к формированию репертуара со стороны самих театров. Не случайно, например, что, несмотря на то, что к началу нового театрального сезона появилось немало новых пьес, многие театры до сих пор все еще не могут остановиться на определенных произведениях; они привыкли, что комитет, разрешив пьесы, сейчас же и распределяет их по театрам. Так как большинство драматургов работало без связи с театром, то и оказалось, что руководители театров сейчас обсуждают, принимают, отказываются и вновь принимают одни и те же пьесы.

Новые спектакли, и прежде всего спектакли на современные темы, должны широко обсуждаться. Где могут проходить такие обсуждения? Художественный совет при бывшем Комитете по делам искусств прекратил свое существование. Недостаток его работы заключался в том, что совет состоял из очень узкого круга лиц. Нам кажется, было бы очень полезно создать художественный совет при Главискусстве, в который вошли бы не только главные режиссеры, но и актеры, драматурги, критики, общественные деятели.

Государственное руководство творческой деятельностью театров — это отнюдь не мелкая опека. Глубокий смысл его состоит в том, чтобы политически направлять работу драматургов и театров, осуществлять контроль за формированием репертуара, поддерживать творческую инициативу театров и писателей и всячески поощрять художественную смелость в решении самых актуальных вопросов современности.

Больше дерзания!

После войны немало молодых поэтов испытало, как это ни странно, на первый взгляд, большие трудности. Заявив о своем литературном существовании во время войны или сразу же после войны, они, воспитанные армией и повзрослевшие в ее рядах, долго еще потом писали стихи, так или иначе связанные с войной, с армией, стали повторяться, перепевать себя же самих. А стихи на другие темы получались у них часто поверхностные, абстрактные, слабые. А у некоторых поэтов военные стихи так и остались лучшими в творчестве.

Такой кризис испытал и поэт Сергей Орлов. Танкист, прошедший большой боевой путь, он сумел немногословно и ярко рассказать о войне, о своем поколении. Стихи С. Орлова «Его зарыли в шар земной», «У сгоревшего танка» и ряд других сразу обратили на себя внимание прежде всего своей правдивостью. И в послевоенных стихах Орлова сразу же сказалось стремление правдиво показать мирную жизнь. Но военная служба была Орлову ближе, хотя бы чисто биографически, и стихи об этом были лучше. Даже в последнем его сборнике «Городок» читаешь после двух больших разделов «гражданских» стихов небольшой цикл стихов об армии и видишь, что хотя нельзя сказать, чтобы стихи эти были лучшими в сборнике,— нет, в книжке есть стихи и более удачные,— но автор чувствует себя как-то более свободно среди стрелков и пулеметчиков, поваров и старшин. Стремление свободно чувствовать себя и среди людей мирных профессий вывело Сергея Орлова из привычного, уже освоенного круга тем.

В стихах Орлова нет особенно броских строк, нет внешних эффектов. Часто бывает — прочтешь его стихи, и никаких восторгов они не вызывают. Прочтешь во второй раз — нравятся больше, в третий — еще больше. Очень драгоценное свойство.

С большой теплотой и лиричностью рисует Орлов небольшой городок, «тихую провинцию свою».

> Вкруг него, как видно, не найдут
> Никаких таких месторождений,
> Только реки сонные текут,
> Льны цветут, да облака плывут,
> Да базар шумит по воскресеньям...

Но в городке кипит жизнь. И Орлов пишет полные конкретности, сюжетные стихи. Перед нами встают «маленький, смешной и популярный» фотограф, заснявший уже несколько поколений городка; мастерица кружевной артели, «местный соловей» — певица Шура Капарулина; мальчишка, гоняющий над крышами голубей, — милые и знакомые нам живые люди. В стихах Орлова появилась точность не только внешнего описания, но и точность психологическая, без которой нет поэзии. В колхозном клубе идет кинофильм «Падение Берлина».

> Механики и полеводы
> В шинелях сидят без погон,
> Они вспоминают походы,
> А зал в полутьму погружен.
>
> И, как на сошедших с экрана
> Лихих легендарных солдат,
> Украдкою на ветеранов
> Притихшие жены глядят.

Как это хорошо сказано!

Удачны стихи «Гудок над пристанью вечерней...», «Жеребенок», «Старый буксир», «На поверке», «Начальник заставы», «Тишина» и многие другие. В них есть острый поэтический глаз автора, хороший юмор и легкая грусть.

Но видна в этих стихах и небрежность С. Орлова. Орлов пишет, например:

> Льется из окон на лица луна,
> Сном до утра смягченные.

Тяжело и неуклюже. Казалось бы, пустяк, но таких пустяков в книге очень много. Или уж совсем невразумительное:

> А за окнами лето, в гимнастерки одето
> И с рассвета полсвета прошагало чуть свет.

Сергей Орлов — поэт ясного голоса. Его стихи можно было бы узнать, если бы они не были подписаны. Но изредка в стихах Орлова слышатся чужие интонации. На мой взгляд, в этом нет ничего страшного, а, наоборот, это интересно, так как показывает нам литературные привязанности и симпатии поэта. Такие вещи встречаются и у поэтов более опытных, нежели С. Орлов.

Орлов пишет:

> Вышел вечер, облака раскинув.
> День окончил все свои дела.
> Выйди на прогулку, Валентина,
> Вдоль по главной улице села.
>
> Мимо палисадников и окон,
> Тонкая, в батисте голубом...

Ранний Прокофьев!

Или:

> Степь в далеких забоях звенит, как медь.
>
> Чтобы реку с рекой связать.
> И об этом надо не только уметь,
> Надо право иметь сказать.

Тихонов! И тоже ранний.

Это интересный факт. В стихах молодого С. Орлова — интонации молодого А. Прокофьева и молодого Н. Тихонова, интонации их **лучших** стихов.

А вот в стихотворении С. Орлова «Гудок над пристанью вечерней» (особенно в начале и в конце) явственно чувствуется интонация А. Твардовского, причем Твардовского не раннего, а сегодняшнего,—автора путевого дневника «За далью—даль». Это, по-моему, тоже интересный факт.

Сергей Орлов написал хорошую книгу. Но все-таки книга эта не вызывает удивления. Прочитав ее, можно сказать: да, Орлов талантливый поэт. Но мы это знали и прежде. Да, стихи эти выше его военных стихов по мастерству и зрелости. Но мы и этого ждали. В книге много хороших и даже отличных стихов. Но в книге этой нет **крупных** удач. Создается впечатление, что автор как-то успокоился, сказал себе: «Хорошие стихи пишутся не каждый день».

Многое в сборнике написано слишком спокойно, вяло, словно нехотя. Это общая беда многих молодых поэтов, в том числе, возможно, и автора этих строк. А когда же дерзать, как не в молодости?..

К. ВАНШЕНКИН

НА ТЕМЫ ДРАМАТУРГИИ

Советская драматургия, достижения и недостатки которой будут обсуждаться на предстоящем пленуме Союза советских писателей, стяжала широкую известность за рубежами нашей Родины. Писатели стран народной демократии учатся на примере советских драматургов создавать произведения, которые, отражая жизнь народа, помогали бы ему в борьбе за лучшее будущее.

В капиталистических странах драматурги и деятели театра, желающие служить своим творчеством народу, наталкиваются на бесчисленные препятствия. Здесь легкий доступ на сцену находят произведения, чуждые народу, зачастую направленные против его интересов.

С этого номера мы начинаем публиковать серию материалов, посвященных зарубежной драматургии.

ПАРИЖСКАЯ СЦЕНА

Анкета газеты «Леттр франсез»

«Считаете ли вы, что современный театр во Франции создает — на высоком уровне — образ нашей страны? Или образ, который он дает, является слабым, лишенным значения?..» Таким вопросом открывается обширная анкета прогрессивной французской газеты «Леттр франсез». Цель анкеты — выяснить точку зрения драматургов и деятелей театра на состояние современного французского театра и драматургии.

Ниже мы публикуем (в сокращенном виде) ответы некоторых участников анкеты газеты «Леттр франсез».

За исключением немногих авторов, произведения которых ставятся на сцене, 99 процентов современных драматургов лишены возможности ставить свои пьесы. Следовательно, не приходится говорить о «современном французском театре», который в какой-либо мере «отражал» бы Францию...

На сценах Парижа мы видим преимущественно — и во все возрастающем с каждым днем количестве — иностранные пьесы. Не далее, как этим утром, в качестве вице-президента Общества драматургов и композиторов, я страстно протестовал против такого состояния вещей на нашем заседании.

Если дело будет продолжаться таким образом, то в современном театре нельзя будет найти даже следов каких-либо французских ценностей, ибо французские авторы, блистающие в нем все более и более только своим отсутствием, кончат тем, что увидят себя почти совсем изгнанными со сцены.

А между тем в папках французских драматургов лежат и стареют (длительное хранение этого рода продукции не улучшает обязательно ее качество) сатирические пьесы, драматические этюды нравов нашего времени. Но эти пьесы не играются в театрах.

Поль НИВУА,
вице-президент Общества драматургов и композиторов

◇

Уже давно я пришел к мысли о том, что наш театр не отражает образа современного общества. Где в театре крестьянин? Где в нем рабочий?

Большие проблемы, имеющие решающее значение для общества, не только не трактуются, — к ним даже не приближаются, потому что пьесы, в которых были бы поставлены и трактовались эти проблемы, вряд ли увидели бы свет рампы.

Директора театров вынуждены, по легко понятным причинам, быть весьма осмотрительными. Они обязаны считаться со вкусами и взглядами определенного рода публики, которая до последнего времени является их «обычной публикой» и которая не пойдет на спектакли, трактующие некоторые темы.

Нужно отдавать себе отчет в том, что экономические условия нашего времени направлены против человека. Ничто не соответствует потребностям счастливой человеческой жизни... Миллионами насчитываются потребители, которые не могут потреблять, т. е. покупать какие-либо предметы, выходящие за круг предметов самой первейшей необходимости. Театр, являющийся также товаром, как раз и принадлежит к этого рода предметам.

Вы спрашиваете, как на французской сцене отражаются наша жизнь, наша эпоха? Случайно, как отдаленное эхо, то в одной, то в другой вещи запечатлевается великая напряженность наших дней. Наш век «вышел из колеи», и авторы вынуждены время от времени отражать это в своих пьесах. Но они никогда не спрашивают устами своих персонажей, почему наш мир в таком состоянии. А именно это было бы важно и позволило бы вновь обрести драматическому искусству его подлинный смысл. Театр, который представляет собой искусство прямого общения с людьми, может именно в силу этого изменить кое-что и в самой жизни.

Рене ФОШУА,
драматург

◇

Я считаю, что современный театр во Франции дает весьма слабое и весьма фрагментарное отражение жизни страны. Главной причиной этого является то, что писатели не отдают себе полностью отчета в роли и миссии театра.

Современный театр во Франции, как мне кажется, характеризуется своей тенденцией к тому, что принято называть «эвазион» («бегство от действительности». — **Ред.**). Исследователю, который будет изучать его через пятьдесят лет, наш театр покажется лесом загадок. В нем будут чувствовать себя, как в лабиринте символов.

Пьер ДЕКАВ,
писатель, критик, главный администратор театра «Комеди Франсез»

◇

Следует прямо признать, что такие большие события, как война и оккупация, не нашли своего отражения в произведениях, которые мы вправе были ожидать. Будут ли они написаны позже? Или они уже написаны, но не нашли дороги на сцену?

Сегодняшний театр, по моему мнению, держится весьма далеко от важнейших проблем, стоящих перед современным человеком. Я знаю, однако, некоторых авторов, создавших произведения, в которых эти проблемы затронуты. Увы! Эти пьесы еще не увидели света рампы.

Короче говоря, наш современный театр, за редчайшими исключениями, как мне кажется, почти не имеет связи с жизнью. Если говорить о социальной жизни, то это безусловно.

Жюльен БЕРТО,
режиссер театра «Комеди Франсез»

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ГРЕНЛАНДИЯ

На политической карте мира крупнейший остров земного шара Гренландия окрашен в тот же цвет, что и маленькая Дания. Название острова обычно сопровождается стоящим в скобках словом «датский». Однако карта не отражает истинного положения вещей. Без преувеличения можно сказать, что если бы картографы придерживались фактов, им пришлось бы цвет, в который окрашена Гренландия, поменять и в скобках написать «американский».

Вот уже более 12 лет Гренландия оккупирована американскими войсками. В апреле 1941 года, еще до вступления США во вторую мировую войну, Пентагон направил туда войска. Правда, в договоре, подписанном 9 апреля 1941 года датским послом в Вашингтоне Кауфманом, специально оговаривалось, что американские вооруженные силы будут выведены из Гренландии после окончания войны. Однако, нарушая взятые на себя международные обязательства, США до сих пор не освободили территорию Гренландии. Более того, они усилили оккупацию этой страны.

Гренландия издавна привлекала алчные взоры американских империалистов. Ее недра таят в себе почти все известные минералы и металлы. Далеко еще не полная геологическая разведка показала, что здесь имеется золото, серебро, никель, свинец, железо, уголь, графит, криолит и многое другое. В печати сообщалось также, что в последние годы в Гренландии найден уран.

Не удивительно, что по стране рыщет множество специальных экспедиций, занятых поисками стратегического сырья. В 1948 году одна из таких экспедиций обнаружила крупные залежи свинца в районе Местерсвиг в восточной Гренландии. Разумеется, планы разработки нового месторождения составляются сейчас американскими «экспертами». В Ивигтуте (юго-западная Гренландия) добывается криолит, применяемый при производстве алюминия, причем почти вся добыча отправляется в США.

Но не только богатые природные ресурсы интересовали американцев в Гренландии. Прежде и больше всего стремятся они использовать стратегическое положение этой страны в своих далеко идущих военных планах. Попытки США завладеть Гренландией имеют длительную историю. Поначалу они пытались купить ее у датчан за доллары. Убедившись, однако, что датское правительство не решается продать этот остров, территория которого, между прочим, в 50 раз больше самой Дании, американские империалисты, как уже говорилось, прибегли к прямому военному захвату.

Правительство США неизменно игнорирует решительные протесты широкой общественности Дании против дальнейшей оккупации Гренландии. Американские войска остаются в этой стране. В глазах датской общественности отказ США урегулировать вопрос о Гренландии, а также строительство там новых военных баз послужили лишним свидетельством агрессивных намерений США, стремящихся удержать за собой принадлежащий Дании огромный заполярный остров и превратить его в плацдарм для нападения на Советский Союз и другие страны демократического лагеря.

О назначении военных баз США в Гренландии имеется много откровенных высказываний американской буржуазной печати. Так, например, газета «Нью-Йорк геральд трибюн», сообщая о том, что база в Туле (Северо-западная Гренландия) будет подчинена командующему стратегическими военно-воздушными силами США генералу Лимэю, писала: «Межконтинентальные бомбардировщики Лимэя, расположенные в Туле, смогут достичь все наиболее крупные военные объекты в России и в Европе»...

Подобные заявления не оставляют никакого сомнения в том, что военные базы в Гренландии нужны тем американским агрессивным кругам, которые на словах говорят о своем «миролюбии», а на деле заняты подготовкой войны.

За годы пребывания американских войск в Гренландии построено много крупных военно-воздушных и военно-морских баз США. Эти базы расположены в Икатеке, Марраке, Юлианехобе, Нарсарссуаке, Гренедале, Сендре Стремфьорде, Арсукфьорде, Эгедесминде, Готхобе, Туле. По сообщениям американской печати, база в Туле, называющаяся «Блю джей» («Голубая сойка»), является самой крупной. Как видно из статьи, опубликованной недавно датским информационным агентством Ритсаус, на ее строительство затрачено более миллиарда долларов.

Как известно, согласно новой датской конституции, принятой под нажимом США летом этого года, статус Гренландии в Датском королевстве изменен. Раньше она считалась датской колонией, теперь — частью Дании. Однако этот «новый» статус ровным счетом ничего не меняет в порядках, установленных здесь американскими оккупационными войсками. Они, как и прежде, остаются настоящими хозяевами всего острова. Это, в частности, видно из того, что генералы из Пентагона по своему усмотрению и без ведома датских властей выбирают новые участки для строительства американских морских и воздушных баз в Гренландии.

На примере Гренландии видно, как проводится в жизнь пресловутая американская «политика силы». Оккупировав территорию этого северного острова, американские агрессивные круги ставят сегодня в порядок дня создание широкой сети военных баз на территории самой Дании. США, заявил в конце августа в Копенгагене американский генерал Грюнтер, являющийся верховным главнокомандующим вооруженными силами Северо-атлантического блока в Европе, крайне «нуждаются в более сильной военной базе на Ютландском полуострове».

Из факта оккупации Гренландии датский народ извлек уроки. Он стойко борется против предоставления США военных баз на своей территории. Эта борьба охватывает различные слои населения, в нее включаются новые силы. Недавно в датской печати было опубликовано заявление 249 жителей острова Фюн, требующих от правительства и фолькетинга (парламент) не допустить размещения иностранных войск на территории Дании. Среди других это заявление подписали инженер Берге Хансен и учительница Андреа Хедегорд из Оденсе, художник Кнугорд Ларсен из Линдведа, агроном Таге Ларсен из Беллинге, издатель Могенс Норманн, член приходского совета Лаура Мадсен. «Мы, нижеподписавшиеся жители губерний Оденсе, Ассенс и Свендборг, — говорится в заявлении, — призываем правительство противиться размещению иностранных войск в Дании и прекратить любую ведущуюся подготовку к этому».

В Дании, как известно, 22 сентября происходили выборы в фолькетинг. Они прошли под знаком нарастания борьбы датского народа против американских баз на датской земле. Подавляющее большинство избирателей голосовало за те партии, которые в своих предвыборных программах в той или иной форме высказались против размещения военно-воздушных сил США на датских аэродромах. В то же время потерпели поражение консерваторы, выступавшие за безоговорочное подчинение американскому диктату.

Результаты выборов оказались столь недвусмысленными, что коалиционному правительству консерваторов и представителей партии Венстре пришлось подать в отставку. Теперь создано правительство из представителей социал-демократической партии. Учитывая настроения датского народа, который не забыл об обещаниях социал-демократов перед выборами, новое правительство заявило, что при нынешних условиях оно не желает размещения американских войск в Дании.

Вопрос о ликвидации существующих на чужих территориях военных баз, которые представляют серьезную угрозу миру и безопасности народов, внесен по предложению делегации Советского Союза в повестку дня 8-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Как показывает судьба Гренландии, а также все усиливающаяся борьба датского народа против создания военных баз США на территории Дании, эта проблема требует безотлагательного решения.

М. КОСОВ

Американская военщина начала большие работы по расширению своих авиационных баз в Гренландии. **(Из газет)**

Датское правительство объявило, что Гренландии предоставляются «абсолютно равные права» с Данией. **(Из газет)**

Американский офицер: — Теперь Гренландию полностью уравняли в правах с Данией.
Второй: — О'кэй! Тогда нам остается лишь уравнять Данию в правах с Гренландией.

Рисунок художника Бидструпа из датской газеты «Ланд ог фольк»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

В американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» 25 сентября была опубликована заметка под заголовком: **«Стоимость жизни ставит рекорд в США».** Газета пишет:

Herald Tribune

Living Costs Set Record in U.S.

WASHINGTON, Sept. 24 (A.P.) — America's cost of living reached a record high in August, the government reported yesterday as a result of higher prices for food and rent.

«ВАШИНГТОН, 24 сентября (Ассошиэйтед Пресс). — Стоимость жизни в Америке достигла в августе рекордной высоты в результате поднявшихся цен на продовольствие и возросшей квартирной платы, — сообщило вчера правительство».

Комментарии **излишни!**

По страницам печати

«Скынтейя», «Вяк Ноу» — Румыния.

В РУМЫНИИ 1953 ГОДА...

Среди иностранных гостей на IV Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте находился также известный бразильский писатель Альфредо Варела. Это не первое посещение писателем Румынии, он побывал здесь уже четыре года назад.

Своими впечатлениями о теперешнем приезде в Румынию А. Варела делится с читателями **«Скынтейи»**. Он пишет, что после первого приезда в эту страну унес неизгладимые впечатления и твердую уверенность в ее будущем.

«Сейчас, спустя четыре года, я с радостью убеждаюсь, что не ошибся. Меня всегда восхищали смелые планы румынского народа, и я вижу, что они успешно осуществляются. У меня было много встреч с людьми. Я увидел, что они лучше одеты, выглядят более здоровыми, чем четыре года тому назад. Повсюду счастливые лица. Я видел магазины, в которых сейчас значительно больше товаров и покупателей».

Бразильский писатель пишет, что в капиталистических странах ведется упорная кампания клеветы против Румынской Народной Республики, как и против Советского Союза. И он подчеркивает, что клеветники эти хорошо известны.

«Мы, люди стран Южной Америки, отлично знаем их. Эти клеветники грабят богатства наших стран, заставляя народ жить в нищете. Это они захватывают нефть Венецуэлы, медь и калий Чили, кофе, какао и марганец Бразилии, мясо и стратегическое сырье Аргентины, фрукты Центральной Америки и сахар Кубы. Это они руководят из Вашингтона военными переворотами, заменяя недостаточно послушные правительства более холопскими.

Они кричат о так называемом «железном занавесе». Но румынский народ в дни фестиваля широко открыл двери своей страны для 30.000 юношей и девушек. Делегаты приехали со всех концов земли. Народ Румынии показал, что ему нечего скрывать, а, наоборот, он может с гордостью говорить о своих достижениях».

Я НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ

В этот день Дом культуры села Сентана был переполнен. Сюда собрались крестьяне коллективного сельского хозяйства «Красная Гривица», чтобы послушать беседу о ГЭС «Дружба народов», построенной колхозниками трех советских республик. О том, как проходила эта беседа, рассказывает на своих страницах румынская газета **«Вяк Ноу»**.

— Сооружение белорусскими, литовскими и латышскими колхозниками гидростанции «Дружба народов», — сказал учитель Дьорфи Калман, **— еще одно замечательное проявление единства и дружбы народов Советского Союза.**

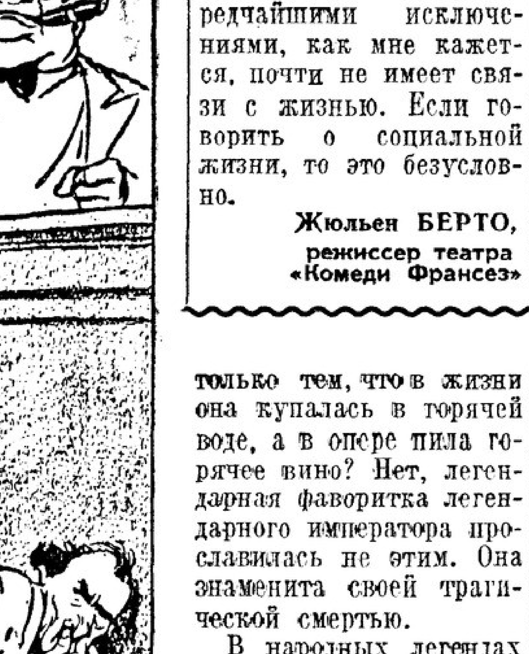
Учитель поведал затем о том, как строилась эта гидростанция колхозами имени Молотова, имени Адама Мицкевича и имени Свердлова.

После этого началась беседа.

Больше всех взволновало собравшихся выступление крестьянина Траяна Придона. Он сказал:

— Позвольте мне зачитать слова, которые я выписал из статьи об открытии гидроэлектростанции «Дружба народов»: «В течение шестидесяти лет я искал счастья и не находил его, — говорит колхозник Михаил Иванович Самушенко из села Дрисвяты. — Я не находил его нигде и не нашел бы, если бы не Советская Армия, которая освободила нас от помещичьего гнета, и если бы не колхоз, в котором мы объединились».

— Так вот, товарищи, — закончил Траян Придон, — каждый из нас, вступивший на путь новой жизни в нашей стране, освобожденной Советской Армией, может сказать: «Я нашел свое счастье»...

Живой труп.
Рисунок Чик Дамадиана из румынской газеты «Ромыниа либера»

◇

С. ОБРАЗЦОВ

Белое пятно и его представитель

Существует на земном шаре серьезное и важное учреждение, называемое Организацией Объединенных Наций. Я очень уважаю эту организацию, так как она может сделать многое для того, чтобы недоразумения между странами разрешались справедливо и мирным путем.

Но я не дипломат и не лицо, облеченное государственными полномочиями, и поэтому мне не возбраняется питать личные симпатии или антипатии по отношению к различным представителям различных правительств внутри этой организации.

Некоторые мне нравятся больше, другие меньше. Есть даже такие, которые совсем не нравятся. Но один из представителей вызывает во мне полное недоумение, поскольку невозможно понять, кого он представляет.

Если вы окажетесь в городе Сиани, близ которого была когда-то древнейшая столица Китая Чанань, то вас непременно повезут за город к горячим источникам.

А когда вы туда приедете, то кто-нибудь обязательно скажет вам, что в этой целебной воде больше тысячи лет назад купалась та самая женщина, которую играет Мэй Лань-фан в классической опере «Опьяневшая Ян Гуй-фей».

Чем же знаменита Ян Гуй-фей? Неужели только тем, что в жизни она купалась в горячей воде, а в опере пила горячее вино? Нет, легендарная фаворитка легендарного императора прославилась не этим. Она знаменита своей трагической смертью.

В народных легендах и пересказах смерть эта описывается по-разному, но суть вариантов сводится к следующему:

Молодая красавица Ян Гуй-фей и совсем немолодой император очень любили друг друга. Под влиянием своей возлюбленной император приблизил всех ее родственников, и они захватили различные доходные должности. По этим ли причинам или по причинам более глубоким, но произошли волнения в войсках, потребовавших смерти Ян Гуй-фей. Требование было удовлетворено. По одним версиям, император дал приказ старику евнуху, бывшему воспитателю красавицы, задушить Ян Гуй-фей, по другим — она по собственной воле вышла перед войсками и сама задушила себя шарфом, а император, чтобы не видеть смерти любимой, закрыл глаза рукавом. Не знаю, какая из этих версий более достоверна, но вспомнил я о Ян Гуй-фей потому, что с этими же сианьскими источниками связана история еще одного человека, совсем нелегендарного изменника народа, играющего последний трагикомический акт своей собственной пьесы. Имя этого человека Чан Кай-ши.

Недалеко от горячих источников есть небольшая, покрытая лесом гора. В тысяча девятьсот тридцать шестом году на эту гору убежал Чан Кай-ши от народного гнева и спрятался в небольшой канаве. Очевидец рассказывает, что по своей позе он был похож на того глупого фазана, который, прячась от охотников, прижимает голову к земле, забывая, что у него торчат хвост. Хвоста, конечно, в данном случае не было, но глупость позы от этого, пожалуй, только увеличилась, особенно, если принять во внимание, что главнокомандующий был в одном белье. Когда его вытащили из канавы, он стал дрожать и клясться, что выполнит требование народа и свой долг перед страной: поведет войска против японских захватчиков. А когда его освободили, он тут же нарушил клятву.

Легендарная Ян Гуй-фей была ослеплена любовью. Чан Кай-ши ослеплен золотом и властью. Такая слепота неизлечима, особенно, если она наследственна.

Каждая капиталистическая страна непременно гордится определенным количеством семейств — владельцев национального капитала, на службе у которых часто находятся президенты, шахи, короли, цари или императоры. В одной стране таких семейств шестьдесят, в другой — двадцать.

В старом полуфеодальном-полуколониальном Китае император зависел больше всего от иностранных «семейств» — Круппов, Морганов, Мицуи, Мицубиси, Рябушинских и многих других. Но и свои «семейства» тоже были. Четыре китайских семейства владели капиталами в двадцать миллиардов американских долларов.

Вот в одном из этих семейств, в семействе Чан, торговцев солью, и родился Кай-ши. По внешнему виду мальчик был похож на китайца, но настоящим китайцем Чан Кай-ши не был никогда. Деньги и власть оказались для него важнее, чем народ и родина. И если родители Чан Кай-ши торговали солью, то он торговал людьми.

Начало этой торговли по сравнению с дальнейшей деятельностью Чан Кай-ши было сравнительно безобидным. Он стал одним из шанхайских гангстеров. Повидимому, этот промысел показался ему недостаточно прибыльным, и он решил заняться крупными биржевыми спекуляциями. Деньги пришли в большом количестве, но ему была нужна еще и власть, а главное — слава. Подкупом, убийствами, шантажом, демагогией, ложью было добыто и то и другое. Чан Кай-ши возглавил гоминдан, стал главнокомандующим армией, а затем диктатором страны.

Да, лицом он попрежнему был похож на китайца, но китайцем он не был потому, что китаец не может продавать Китай, а Чан Кай-ши только этим и занимался.

В мае двадцать восьмого года японцы оккупировали Цзинань. Китайский гарнизон получил приказ: «Ни при каких обстоятельствах не открывать огня по японцам. Ради спасения одного японца допустимо уничтожение даже и десятка китайцев. В случае возникновения инцидентов, если японцы будут требовать сдачи оружия, таковое сдавать».

Под таким приказом непостижима подпись китайца, но подписан он был Чан Кай-ши.

Легко дать циничный и наглый приказ: «Болтающих о сопротивлении Японии — казнить, и без всякого сожаления», но как привести в исполнение этот приказ, если это вовсе не «болтающие», а сражающиеся, и если имя им — народ? Мало смысла кричать: «Я именно такой, рубящий без пощады главнокомандующий, и буду искать себе таких же рубящих без пощады генералов и офицеров», а потом, в одном белье, в холодное декабрьское утро прятаться в канаву, дрожать, клясться, нарушать клятву и вновь кричать: «Если я не уничтожу коммунистическую партию, то не смогу умереть спокойно».

В китайском традиционном театре есть роли, которые объединены общим названием: «большие раскрашенные лица». На актерах, играющих эти роли, — драгоценные по своей вышивке костюмы, невероятные по устройству шляпы. Если это «большое раскрашенное лицо» — генерал, то в шляпу вставлены огромные фазаньи перья, в руках меч, за спиной прикреплены четыре флага. Если к тому же этот генерал обладает силами сверхчеловеческими, то лицо его сплошь золотое. Вероятно, именно таким представлял себя Чан Кай-ши в наиболее эффектные периоды своей жизни.

Но существует в китайском театре и другая группа ролей. Глупцы, предатели, взяточники. На их лицах — большое белое пятно. Оно вызывает у зрителей смех и презрение. Чан Кай-ши слеп, только поэтому он не сразу заметил, что на его физиономии уже давно сидит белое пятно, и догадался об этом только тогда, когда под ударами Народно-освободительной армии стал терять город за городом. Смех, вызванный белым пятном на его физиономии, стал настолько громким, а народное презрение настолько явным, что напуганный Чан Кай-ши начал стремительно замазывать это пятно американским золотом, перейдя с розничной торговли Китаем на оптовую.

Он торговал родиной с бесстыдством и быстротой аукционера. За один осенний месяц сорок седьмого года Чан Кай-ши продал американскому представителю Ведемейеру право на устройство военных баз на Тайване, в Тайбэе, Цзилуне, Циндао, Урумчи, Ланьчжоу, Тяньшуе, Чэнду и в той самой Сиани, где он купался в целебной воде и прятался в канаве.

А к концу сорок седьмого года было продано право на размещение в Китае американских войск и полный контроль над китайским военно-морским флотом.

Только аукцион-то производился в отсутствие фактического хозяина. Чан Кай-ши уже не владел ничем из того, что он продавал.

Бутафорский диктатор давно потерял фазаньи перья на своей шляпе, давно сломался его деревянный меч, а театральные котурны хоть и очень эффектны для того, чтобы важно расхаживать по сцене, но бегать в них неудобно. Пришлось сбросить котурны.

Четыре года тому назад кончилась власть Чан Кай-ши, а с ним вместе и власть иностранных колонизаторов, и власть отечественных «четырех семейств», и власть разложившихся феодалов.

Четыре года из окна мрачного особняка в стиле королевы Виктории, на острове Тайвань смотрит Чан Кай-ши в сторону Великого Свободного Китая.

Смотрит, хотя глаза его абсолютно слепы. Жажда денег и славы ослепляют человека навсегда. Если бы было иначе, если бы он хоть на секунду прозрел, он задушил бы себя сам.

Белое пятно, как проказа, покрывает его лицо. Но он все-таки пробует нацеплять фазаньи перья, влезает на котурны и размахивает деревянным мечом, призывая к борьбе «за освобождение утерянного материка».

Я был на этом «утерянном материке», утерянном империалистами. Великая молодая страна! Я счастлив, что видел ее. Видел глаза сильных, счастливых, непобедимых людей. Видел, как строятся железные дороги, заводы, фабрики. Видел, как работают свободные крестьяне на собственных, а не помещичьих полях, как рыбаки ловят рыбу на собственных, а не хозяйских лодках. Видел счастливых детей, которые учатся в школах. Видел, как в школах для взрослых учатся их родители — десятки миллионов крестьян и рабочих. Видел счастье народа всюду, где только был: и в столице Китая — Пекине, и в Харбине, и в Мукдене, которые когда-то Чан Кай-ши продал японцам, и в Шанхае, в котором когда-то Чан Кай-ши играл на бирже и в котором потом убил столько героев-патриотов, и в Нанкине, бывшей его резиденции, и в Чэнду, и в Ланьчжоу, которые он продавал американцам, и в Сиани, где мне показали канаву, в которой прятался главнокомандующий, — бывшее раскрашенное лицо, юбиляр наизнанку, с белым пятном на физиономии.

Принято считать, что современные люди живут в сугубо реалистическом мире, в котором нет ни чудес, ни фантастических происшествий, ни бесплотных духов.

Это неверно. Разве не фантастика, что человек, всем ходом исторических событий давно сброшенный в канаву, человек, у которого вместо лица большое белое пятно, вызывающее презрение пятисотмиллионного китайского народа, называет себя китайским президентом, да еще имеет своего представителя? И где же? В Организации Объединенных Наций.

Пожалуй, более фантастического и одновременно более комического факта не было во всей истории мировых отношений.

Изобретенный американцами «автомат-голосователь» вновь и вновь сажает Цзян Тин-фу на делегатскую скамью. Американские дипломаты и те, кто старается как можно нагляднее заверить совершенное к ним почтение и преданность, здороваются с бесплотным духом за руку, угощают эту абстракцию сигаретами «Кэмел» и сохраняют при этом абсолютно серьезные лица.

Ну что ж! С чисто актерской точки зрения они поступают правильно. Чтобы очень рассмешить зрителя, актер обязан, совершая нелепые поступки, делать серьезное выражение лица.

Чем менее форма соответствует содержанию, тем смешнее.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03838.